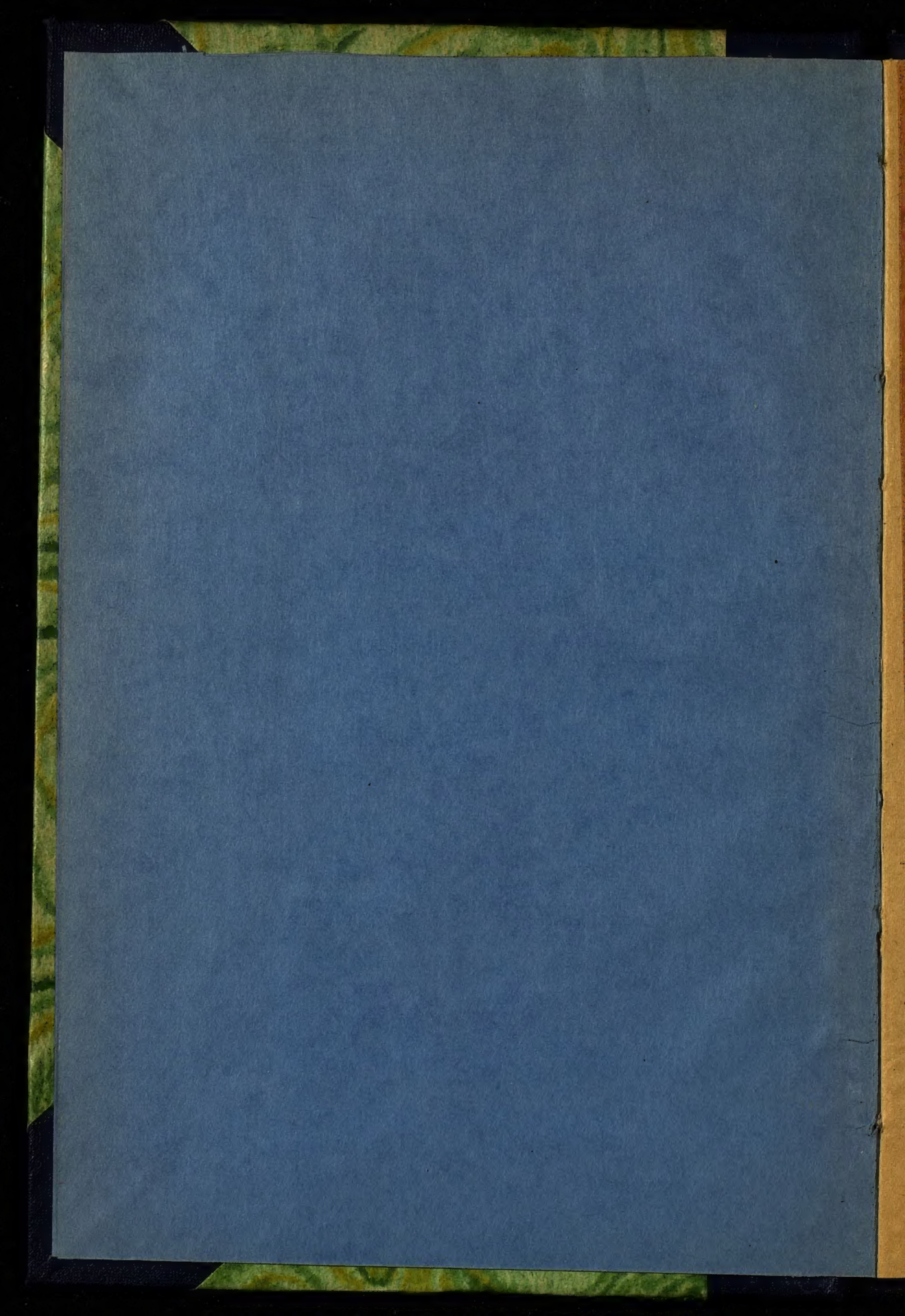
Бухарин Н.
Классовая борьба и революция в России.
М., 1917

Россiйская Соцiалъ-Демократич. Рабочая Партiя.

Пролетарiи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Н. Бухаринъ.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА И РЕВОЛЮЦIЯ въ РОССIИ.

ИЗДАНIЕ
Московскаго Комитета и Областнаго Бюро.
1917.

Ненавистному буржуазіи,

горячо любимому пролетаріатомъ,

вождю рабочей революціи

товарищу

В. Ульянову,

посвящаетъ авторъ.

Классовая борьба и революція въ Россіи.

Бѣшеный бѣгъ русской революціи, непрерывная смѣна величайшихъ историческихъ картинъ, полная трагизма борьба пролетаріата, то идущаго впереди всѣхъ, какъ побѣдитель, то предательски объявляемаго внѣ закона подъ торжествующій гоготъ совокупной canaille bourgeoise — все это говоритъ объ одномъ: окончательная побѣда русской революціи немыслима безъ *побѣды революціи международной.*

Ни одна изъ прежнихъ революцій не находилась въ такой связи съ событіями въ другихъ странахъ. *Міровая война*, которая разбила экономическія связи и довела государственные антагонизмы до максимума, которая привела къ краху II Интернаціонала, въ то же время поставила судьбу каждой отдѣльной страны въ наитѣснѣйшую зависимость отъ судьбы другихъ странъ.

Побѣда соціализма — единственный выходъ для истерзаннаго и окровавленнаго міра. Но прочная побѣда россійскаго *соціалистическаго пролетаріата* невозможна безъ пролетарской революціи въ Европѣ.

Марксъ писалъ когда-то о Франціи 48—50 гг.: Задача соціалистическаго переворота „не разрѣшается во Франціи, она здѣсь только ставится на очередь. Она не можетъ быть разрѣшена внутри національныхъ границъ... Разрѣшеніе этой великой задачи станетъ возможнымъ лишь тогда, когда міровая война поставитъ пролетаріатъ во главѣ народа, господствующаго надъ всеміpнымъ рынкомъ, во главѣ Англіи" [1]). Mutatis mutandis это вѣрно и для сегодняшняго дня.

Революціи — локомотивы исторіи. Безсмѣннымъ машинистомъ этого локомотива даже и въ отсталой Россіи можетъ быть лишь пролетаріатъ. Но пролетаріатъ не можетъ уже оставаться въ предѣлахъ имущественныхъ отношеній буржуазнаго общества. Онъ

---

[1]) *Карлъ Марксъ:* „Классовая борьба во Франціи отъ 1848 до 1850 г.", изд. М. Малыхъ, стр. 83.

идетъ къ власти и къ соціализму. Однако, эта задача, которая „ставится на очередь“ и въ Россіи, не можетъ быть разрѣшена „внутри національныхъ границъ“. Здѣсь рабочій классъ натыкается на непреодолимую стѣну, которая можетъ быть пробита только тараномъ *международной рабочей революціи.*

И лишь поскольку пролетаріатъ сознаетъ это и организуется въ классовую партію интернаціональнаго соціализма, онъ является не только въ хотѣніи, но и въ дѣйствительности преобразующей міръ революціонной силой.

Неизбѣжность именно такого развитія мы и постараемся доказать.

Классовыя группировки до марта 1917 г.

Послѣ того, какъ въ ноябрѣ 1905 года Петербургскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ объявилъ царскому правительству финансовый бойкотъ, а лѣтомъ 1906 года разогнанная царемъ Первая Дума призвала народъ къ неплатежу налоговъ и податей, казна россійской имперіи испытывала величайшія затрудненія. Государственная рента пала чрезвычайно. Началась было финансовая паника. Коковцевъ бросился за границу въ поискахъ поддержки. Эту поддержку онъ нашелъ. Напрасно нѣкоторые наивные демократы взывали къ славнымъ традиціямъ республики и революціи. Не кто иной, какъ республиканскіе банкиры Франціи спасли тронъ кроваваго деспота. Высокій процентъ вѣсилъ больше на капиталистическихъ вѣсахъ, чѣмъ республиканская „gloire“.[1] *Французскіе банкиры помогли царю задушить русскую революцію.*

При Николаѣ II господствующимъ классомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. классомъ, стоящимъ у кормила правленія, былъ классъ крупныхъ помѣщиковъ *полукрѣпостническаго типа.* Эти господа не вели своего хозяйства. Унаслѣдовавъ отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ-крѣпостниковъ огромныя имѣнья и пользуясь растущимъ обезземеленіемъ крестьянъ, они предпочитали сдавать свои земли крестьянину-пауперу, получая съ него „голодную аренду“ и ставя его въ кабальную зависимость. Будучи крупными *землевладѣльцами,* они насаждали въ странѣ мелкое *хозяйство* нищихъ крестьянъ, которыхъ они всемѣрно обирали. Будучи классомъ паразитическимъ par excellence, они имѣли вполнѣ обезпеченный твердый доходъ, ибо громадный спросъ на землю со стороны безземельнаго крестьянства непрерывно гналъ вверхъ арендныя цѣны. Удержать свое священное право на землю-было основнымъ стремленіемъ этого класса. Плоть отъ плоти крѣпостничества,

[1]) «Gloire»—«слава», «честь»; ходовое словечко буржуазныхъ крикуновъ и патріотическихъ кликушъ.

онъ не могъ не быть ультра-реакціоннымъ. Идеологомъ этихъ зубровъ справедливо считался Марковъ Второй, для котораго висѣлица и кнутъ были идеальными устоями россійскаго государства; ихъ политическимъ агитаторомъ являлся Пуришкевичъ, возвысившій истинно-русскую площадную ругань до степени своего обычнаго политическаго жаргона. Верхи организаціи этого класса, кромѣ государственной власти, покоились на такъ называемыхъ „Съѣздахъ Объединеннаго Дворянства", низы — вербовались изъ самыхъ грязныхъ отбросовъ общества, наполнявшихъ воровскіе притоны, публичные дома и чайныя „Союза Русскаго Народа".

Если главной опорой трона служило „благородное дворянское сословіе", то *промышленная буржуазія* лишь отчасти касалась власти. Только одна ея фракція — а именно та, которая была тѣснѣйшимъ образомъ связана съ казенными заказами и финансовыми операціями правительства, которая, несмотря на свою *техническую отсталость,* процвѣтала благодаря совмѣстному съ государственной машиной разворовыванію „національнаго достоянія" — только эта фракція буржуазіи входила составной частью въ аппаратъ управленія страной. *Техничееки прогрессивная* буржуазія, идеологически представляемая такъ называемымъ „либеральнымъ обществомъ", была на положеніи „оппозиціи Его Величества", безсильно хныкающей о „подавленіи самодѣятельности", о недостаткѣ „инипіативы", объ „отсутствіи простора для развитія живыхъ силъ страны".

Мелкая буржуазія, и въ первую голову *крестьянство*, не только была совершенно устранена отъ всякаго вліянія на ходъ „государственныхъ дѣлъ", но подвергалась преслѣдованію всякій разъ, какъ ея „общественное мнѣніе" пыталось выйти наружу. Основнымъ ядромъ крестьянства были (и остаются по сей часъ) крестьяне-пауперы, съ маленькими надѣлами, ведущіе хозяйство на арендованной землѣ, періодически голодающіе и отдающіе всѣ свои силы помѣщику и государству. Земельный голодъ и просто голодъ — основная черта ихъ бытія. А стремленіе получить помѣщичью землю такъ же характерно для нихъ, какъ для помѣщика-зубра стремленіе сохранить ее въ своемъ полномъ распоряженіи.

Наконецъ, если при Николаѣ классомъ угнетающимъ par excellence были помѣщики-зубры, то классомъ угнетеннымъ par excellence былъ *пролетаріатъ.* Не потому, что жизненный уровень рабочаго класса былъ ниже уровня жизни деревенскихъ пауперовъ. Во многихъ случаяхъ онъ былъ несомнѣнно выше. Но рабочій классъ уже давно вышелъ на арену политической борьбы. Онъ выступилъ застрѣльщикомъ революціи, источникомъ эманаціи революціонной энергіи. Вотъ почему вся тяжесть репрессій обрушивалась въ первую голову на пролетаріатъ.

За періодъ 1907—1914 г.г., т. е. послѣ того, какъ революція 1905—1907 г.г. была затоплена въ крови декабрьскихъ повстанцевъ въ Москвѣ, и волна карательныхъ экспедицій прошла по всей Россіи, *революціонный* методъ разрѣшенія противорѣчій россійской дѣйствительности временно отступилъ на задній планъ. Тѣмъ не менѣе произошелъ рядъ измѣненій въ подпочвѣ общественной жизни, въ ея *экономикѣ*.

Въ области *сельскохозяйственнаго производства* замѣтно усилились капиталистическіе элементы. Мобилизація земли выразилась въ переходѣ нѣкоторой части прежнихъ помѣщичьихъ земель въ руки наиболѣе зажиточныхъ слоевъ крестьянства. Перепуганные аграрнымъ движеніемъ представители „благороднаго дворянскаго сословія" ликвидировали кое-гдѣ свои дѣдовскія помѣстья, перепродавъ ихъ (непосредственно или — что было для нихъ болѣе выгодно — черезъ Крестьянскій Банкъ) крестьянской буржуазіи и среднему крестьянству. Съ другой стороны, процессъ усиленія тонкой прослойки крестьянскихъ „верховъ" происходилъ и благодаря такъ называемому *„аграрному законодательству" Столыпина.*

Этотъ государственный мужъ, заслужившій почетное названіе „Вѣшателя", покрывшій страну висѣлицами, вскормившій у своего полицейскаго сердца Азефа, возведшій систему сыска и провокаціи на высоту основного государственнаго принципа и самъ погибшій жертвой этой системы, тщетно пытался играть роль русскаго Бисмарка, отъ котораго онъ отличался лишь отсутствіемъ ума (Это, впрочемъ, не помѣшало представителямъ русскаго либерализма, г-дамъ Струве и Изгоеву, почтительнѣйше припасть къ жандармскому сапогу сего героя). Сторонникъ откровенно-циничной политики „нажима на законъ", Столыпинъ пытался поставить „ставку на сильныхъ", и своимъ закономъ 9 ноября думалъ, путемъ разграбленія общинныхъ земель, создать, наряду съ дворянской, *мужицкую* „опору трона" въ лицѣ класса „міроѣдовъ". Столыпинъ проигралъ игру. Но все же его политика несомнѣнно усилила капиталистически-крестьянскіе слои въ деревнѣ.

Еще большее значеніе имѣли измѣнившіяся *условія мірового сельскохозяйственнаго рынка.* Сельскохозяйственный кризисъ, съ 80 годовъ угнетавшій европейское хозяйство и вызванный наплывомъ дешеваго заокеанскаго хлѣба, исчезъ. Стремительное паденіе цѣнъ смѣнилось еще болѣе стремительнымъ ихъ повышеніемъ. Европейскіе аграріи воспрянули духомъ. Дороговизна жизни, этотъ бичъ для городского пролетаріата, есть источникъ величайшихъ барышей для монополистовъ земли. Экспортная торговля хлѣбомъ и расширеніе *капиталистическаго* сельскаго хозяйства становились болѣе выгодными, чѣмъ выколачиваніе голодной аренды. Такимъ образомъ, слѣдствіемъ измѣнившихся условій мірового рынка былъ

ростъ вывоза, техническая организація вывозной торговли en grand (постройка элеваторовъ на американскій образецъ и т. д.) и переходъ помѣщиковъ къ веденію раціональнаго капиталистическаго хозяйства. Дикій помѣщикъ-зубръ превращался въ современнаго „аграрія“. Грубый крѣпостникъ отступалъ на задній планъ передъ „цивилизованнымъ“ и „просвѣщеннымъ“ помѣщикомъ-капиталистомъ, который понимаетъ толкъ и въ сельскохозяйственныхъ машинахъ, и въ чилійской селитрѣ; выколачиванье голодной аренды мало-по-малу замѣнялось болѣе утонченной системой эксплуатаціи путемъ наемнаго труда; крѣпостническая живодерня уступала мѣсто капиталистической системѣ, и вмѣсто грузной фигуры Маркова Второго на сцену все болѣе продвигался надушенный, въ бѣлыхъ перчаткахъ „prince Lvoff“[1]).

Въ области *промышленности* за время контръ-революціи 1907—1914 г.г. народился и сформировался *финансовый капиталъ,* создавшій синдикаты и тресты, спаявшій ихъ съ банками, охватившій рядъ промышленныхъ отраслей тугимъ кольцомъ монополистическихъ объединеній. Крестнымъ отцомъ россійскаго финансоваго капитала былъ *финансовый капиталъ „заграницы:“* французскій, нѣмецкій, англійскій и бельгійскій капиталъ — его цѣнностная субстанція и его персональное выраженіе въ лицѣ экспортированныхъ директоровъ промышленныхъ предпріятій и банковыхъ заправилъ — усердно „работали“ на русской почвѣ и немало способствовали ускоренному росту новѣйшихъ организаціонныхъ формъ европейскаго и американскаго капитализма. Вмѣстѣ съ финансовымъ капитализмомъ возникла и новая, доселѣ невиданная, формація *имперіалистской буржуазіи,* политической выразительницей которой стала такъ называемая „партія народной свободы“. Прежняя либеральная оппозиція, опиравшаяся на технически-прогрессивную буржуазію, превратилась въ партію воинствующаго имперіализма, добродушный либеральный профессоръ съ народническими симпатіями, вродѣ старика Чупрова или Каблукова, — въ злобнаго защитника великодержавности, въ холоднаго почитателя божественной „государственности“ и, главнымъ образомъ, милитаристкихъ аттрибутовъ. Списанный съ нѣмецкаго образца („Grösseres Deutschland“) лозунгъ „Великой Россіи“ (подъ „величіемъ“ въ этихъ случаяхъ разумѣется разбойное удушеніе всѣхъ малыхъ—а по возможности и остальныхъ — народовъ), панславистская агитація, усиленная пропаганда созданія „національныхъ культурныхъ цѣнностей“ (въ первую голову арміи и флота) и „выявленія національнаго лица“ — вся эта имперіалистская дребедень нашла себѣ перваго апостола въ персонѣ ренегата соціаль-демократіи Петра Струве. Сборникъ „Вѣхи“, журналъ „Русская Мысль“, тѣсный

[1]) Князь Львовъ.

союзъ „науки“ въ лицѣ г. Струве съ „промышленностью“ въ лицѣ московскаго воротилы и мецената П. Рябушинскаго стали служить теоретической крѣпостью россійскаго имперіализма. Его признаннымъ политическимъ вождемъ явился лидеръ кадетовъ, и тоже профессоръ, Милюковъ. Ибо правильно сказано, что на всякую подлость можно найти своего профессора.

Такъ подъ крыломъ бѣшеной контръ-революціи нарастала „прогрессивно-капиталистическая“ имперіалистическая оппозиція, опиравшаяся на „просвѣщенныхъ“ помѣщиковъ и финансовый капиталъ.

Начиная съ весны 1911 года, на фонѣ намѣчающагося промышленнаго подъема, возобновляется экономическая борьба *рабочаго класса.* Эта борьба, все разгораясь, принимаетъ ярко выраженный политическій характеръ· Въ 1913-1914 гг. цифра стачечниковъ поднимается почти до соотвѣтствующей цифры „безумнаго“ 1905 года. Въ то время, какъ формируется имперіалистски-патріотическое кликушество либераловъ, ясно намѣчается волна новой революціи. Петербургъ покрывается баррикадами. Это происходитъ какъ разъ тогда, когда къ царю пріѣзжаетъ на поклонъ президентъ французской республики, г. Пуанкаре, на предметъ подготовки къ войнѣ. И его республиканскія уши поражаетъ крикъ петербургскаго пролетаріата: „Долой царя!“

Разразившаяся *міровая война* срываетъ революцію осенью 1914 года. Подготовленная коронованными мясниками „цивилизованныхъ“ странъ бойня создаетъ повсемѣстно колоссальную силу милитаризму. Милитаристскій терроръ беретъ въ желѣзо непокорный пролетаріатъ. Крахъ 2 Интернаціонала и предательская измѣна оппортунистской соціальдемократіи разслабляютъ революціонную волю. А имперіалистскія вожделѣнія господствующихъ классовъ создаютъ тѣснѣйшій блокъ между ними, объединяя помѣщиковъ-зубровъ съ ихъ „просвѣщенными“ противниками. Развѣ частныя разногласія заслуживаютъ вниманія передъ общимъ дѣломъ международнаго грабежа? Развѣ не нужно сперва общими усиліями убить лакомую дичь, а ужъ потомъ дѣлить ее между собой? И развѣ не является общей „священной“ задачей созданіе единаго фронта собственниковъ на случай возстанія „взбунтовавшихся рабовъ“? Такъ образуется гражданскій миръ, Burgfrieden, отъ одного названія котораго на десять верстъ несетъ запахомъ юнкерскаго стойла. Идиллическая картина достигаетъ своего апогея, когда кадетъ Милюковъ публично „на страхъ врагамъ“, цѣлуется съ Пуришкевичемъ, отпрыскомъ тѣхъ самыхъ организацій, которыя руками наемныхъ убійцъ прострѣливали когда-то черепа коллегъ г-на Милюкова: Іоллоса и Герценштейна. Тѣмъ не менѣе, этотъ праздникъ поистинѣ христіанскаго всепрощенія имѣлъ глубокій соціальный смыслъ: это былъ заговоръ раз-

бойничьей шайки, всѣ члены которой клялись въ вѣрности другъ другу на крови, пролитой ими во время прежнихъ взаимныхъ раздоровъ. А что рѣчь шла именно о разбоѣ, объ этомъ повѣдалъ не кто иной, какъ самъ Милюковъ Дарданелльскій. Этотъ запѣвала россійскаго имперіализма, уже давно бывшій вхожимъ въ царское министерство иностранныхъ дѣлъ, выставилъ довольно откровенную „програму войны", которая сводилась къ захвату Галиціи и „Угорской Руси", Познани, части Вост. Пруссіи, Константинополя и Дарданеллъ, Адріанополя, береговъ Мраморнаго моря, Турецкой Арменіи и т. д. *Имперіалистскія вожделѣнія финансоваго капитализма совпали съ полуфеодальнымъ хищничествомъ царизма. Общность цѣли слила ихъ въ единый блокъ.*

Этотъ блокъ, однако, оказался недолговѣчнымъ. Не потому, конечно, что буржуазія воспылала свободолюбіемъ, а потому, что государственная власть крѣпостниковъ оказалась слишкомъ вороватымъ и ненадежнымъ приказчикомъ для финансоваго капитала. Помѣщики—крѣпостники являются по существу дѣла классомъ, стоящимъ внѣ сферы производительнаго труда; „общественная функція" этихъ дворянчиковъ заключается въ проѣданіи и прокучиваніи суммъ, получаемыхъ ими путемъ безпощаднаго обиранія крестьянъ, при чемъ степень „культурности" ихъ опредѣляется исключительно географическимъ расположеніемъ ресторановъ, гдѣ они наслаждаются, и національностью кокотокъ, которыми они обладаютъ. Но если таковъ весь классъ крѣпостниковъ, то въ еще большей степени это относится къ его квалифицированной части, къ *правящей бюрократіи* и ко *„двору"*. Дворъ Николая сталъ какимъ-то притономъ необузданнаго и противоестественнаго разврата, гдѣ нездоровый эротизмъ переплетался съ религіознымъ помѣшательствомъ, а распутныя оргіи чередовались съ богослуженіями. *Верхи государственнаго управленія по существу были точной копіей съ воровского притона Вѣры Чебырякъ.*

Когда на самыхъ высокихъ ступеняхъ общественной лѣстницы разыгрывались отдѣльные акты безобразной драмы, изъ которыхъ каждый имѣлъ свое собственное названіе („мясоѣдовщина", „сухомлиновщина", „распутиніада"),—оппозиціонная буржуазія, окопавшаяся въ земскомъ и городскомъ союзѣ, а отчасти въ Государственной Думѣ, шептала на ушко: „безобразіе! развратъ!", а народъ кричалъ: „долой измѣнниковъ! долой царя! долой воровъ и предателей!" Имперіалистская буржуазія вела пропаганду смѣщенія царя и заигрывала съ циничнымъ бурбономъ Николаемъ Николаевичемъ; мелкая буржуазія волновалась и негодовала; пролетаріатъ ясно выставлялъ свой лозунгъ: „долой царизмъ, да здравствуетъ демократическая республика!"

Уже въ первую революцію (1905—1907) стало ясно, что основной движущей силой революціоннаго потока является *пролетаріатъ*. И именно эта относительная зрѣлость пролетаріата, который выступилъ со своими классовыми цѣлями и подъ руководствомъ своей классовой партіи — соціаль демократіи — именно это обстоятельство отбросило такъ называемую „прогрессивную“ буржуазію въ лагерь контръ-революціи. Уже въ эпоху первой революціи кадеты были близки къ власти, вели переговоры съ царскимъ правительствомъ о портфеляхъ. Пораженіе революціи отодвинуло эту перспективу на нѣсколько лѣтъ.

Но если въ 1905—1907 г.г. пролетаріатъ выступилъ признаннымъ вождемъ въ борьбѣ противъ царизма, то это повторилось съ еще болѣе рѣзкимъ подчеркиваніемъ во время войны. Пролетаріатъ былъ единственнымъ классомъ, который пытался выступить противъ предержащихъ властей въ открытой уличной схваткѣ. Разстрѣлы рабочихъ въ Костромѣ, Иваново-Вознесенскѣ и т. д. — были злобной контръ-аттакой со стороны царизма. Но война систематически подымала рабочихъ на возстаніе: отмѣна фабричныхъ законовъ, усиленное давленіе всѣхъ полицейскихъ органовъ, разгромъ рабочихъ организацій, дороговизна и голодъ, истребленіе на поляхъ сраженій, — все это вело къ прямому возмущенію пролетарскихъ массъ.

Но и широкія массы *крестьянства* не меньше страдали отъ войны, которая оттягивала рабочія руки, реквизировала скотъ и въ конецъ подрывала крестьянское хозяйство, давая ему, вмѣсто сельскохозяйственнаго инвентаря, обезцѣненныя бумажки. „Мира, хлѣба и свободы!“ — раздавалось въ городскихъ кварталахъ. „Мира, земли и воли“ — глухо отвѣчала деревня.

Наконецъ, была еще третья сила, которая замѣтно волновалась. Это была *армія*. Предаваемая агентами царя, его министрами и его чиновниками, обкрадываемая со всѣхъ сторонъ, предоставленная разнузданному произволу черносотенныхъ генераловъ, изъ которыхъ многіе „вышли въ люди“, натренировавшись на карательныхъ экспедиціяхъ противъ рабочихъ и крестьянъ, эта армія не могла оставаться спокойной. Большинство ея — крестьяне и рабочіе. Слабѣетъ милитаристская спайка, исчезаетъ на минуту „страхъ передъ начальствомъ“, — и со всей силой начинаетъ проявляться классовый составъ арміи. Вѣяніе революціи коснулось и этой, *послѣдней*, опоры трона. Вызвавши къ жизни доселѣ инертныя крестьянскія массы, бросивъ милліоны въ водоворотъ войны, царизмъ не могъ уже справиться съ тѣми силами, которыя онъ вызвалъ. Въ *мартѣ 1917 г.*, въ мѣсяцъ, съ которымъ связано столько героическихъ событій міровой исторіи, были срублены обѣ головы у хищнаго двуглаваго орла.

Мартъ—Апрѣль.

23—24 февраля начались забастовки и демонстраціи въ Петербургѣ. Послѣ первыхъ стычекъ съ полиціей *войска* перешли на сторону народа. Засады городовыхъ-пулеметчиковъ обезоружены или разстрѣляны. Сопротивленіе незначительныхъ вѣрныхъ царю войсковыхъ частей сломлено. На дворцахъ тирана взвился красный флагъ революціи.

1-го марта, въ годовщину убійства Александра II, революція одержала побѣду и въ Москвѣ. *2-го марта* Николай въ желѣзнодорожномъ вагонѣ, блѣдный и потрясенный, подписалъ отреченіе отъ престола. Самодержавная власть, прикрытая фиговымъ листкомъ Государственной Думы, была задушена возставшимъ народомъ. Говорятъ, что поставленный передъ фактомъ своего низложенія Николай безпомощно задалъ вопросъ: „Такъ что же мнѣ дѣлать?“ Дѣлать уже было нечего. Дни самодержавія были сочтены.

Колоссальный аппаратъ угнетенія, заржавѣвшій отъ густыхъ пятенъ крови самыхъ лучшихъ представителей страдающаго народа, рухнулъ подъ напоромъ *стихіи*. Молекулярные процессы, все время происходившіе въ глубинѣ народныхъ массъ — пролетаріата, крестьянства, городской мелкой буржуазіи и арміи — накопили такое количество революціонной энергіи, что подавляющее большинство оказалось на сторонѣ возставшаго народа.

Катастрофически быстрое паденіе самодержавія застало врасплохъ сами борющіеся классы. Быстрота паденія была обусловлена всѣмъ ходомъ событій, громаднымъ перевѣсомъ соціальныхъ силъ, направленныхъ противъ царизма. Но она удивила не только тѣхъ, кто падалъ, но и тѣхъ, кто вызвалъ это паденіе. Революціонная стихія остановилась на минуту, пораженная своимъ собственнымъ успѣхомъ.

Пролетаріатъ, съ беззавѣтнымъ героизмомъ шедшій впереди всѣхъ, строившій свои организаціи въ подпольѣ, вышелъ наружу всей своей массой. Наиболѣе организованная и дисциплинированная революціонная сила, онъ не имѣлъ все же организаціи *массъ*.

Еще въ меньшей степени можно было говорить объ организаціи мелкой буржуазіи, въ частности *крестьянства*. Наконецъ, *армія*, почти единодушно выступившая противъ своего верховнаго командующаго и „обожаемаго вождя“, разрушивши *царскую* дисциплину и организацію, не успѣла еще создать своей революціонной организаціи.

Единственной *организованной съ самаго начала* силой вынырнула *либерально-имперіалистская буржуазія*. Меньше всего она была двигателемъ революціи. Наоборотъ. Ея вождь, Милюковъ, презри-

тельно называлъ знамя революціи „красной тряпкой“. Это онъ выкинулъ знаменитый лозунгъ: „Лучше пораженіе, чѣмъ революція“. Еще по опыту 1905 года либеральная буржуазія знала, что революція въ Россіи опасна не только для царизма, но и для „Bildung und Besitz“ („образованныхъ и владѣющихъ“). Вотъ почему она была „отвѣтственной оппозиціей Его Величества“. Однако, теперь вопросъ былъ поставленъ ребромъ: поддержать прямо правительство Николая или нѣтъ. Крахъ царизма былъ ясенъ. Либеральнымъ буржуа оставалось „перейти на сторону народа“, пустивъ въ ходъ бывшіе у нихъ организаціи — партіи „прогрессивнаго блока“, и въ первую голову, партію „народной свободы“, всевозможныя „неполитическія“ организаціи и, наконецъ, ядро *Государственной Думы.*

По *внѣшности* произошло какое-то всеобщее братанье. Закоренѣлые монархисты спѣшно перекрашивались въ республиканцевъ; домовладѣльцы снимали трехцвѣтные флаги и на ихъ мѣсто водружали красный флагъ переворота; кокарды государственныхъ чиновниковъ замѣнялись красными значками, и даже бывшіе околоточные ходили съ красной ленточкой въ петлицѣ на спѣхъ передѣланной шинели.

„Революція“ стала вдругъ магическимъ словомъ, къ которому почувствовали нѣжность тѣ, кто вчера не находилъ достаточно бранныхъ словъ для оплевыванія этой революціи. Предсѣдатель черносотенно-октябристской Думы Родзянко, преисполняясь сантиментально — „братскихъ“ чувствъ къ „народу“, признавалъ, что онъ „по совѣсти“ не можетъ ничего возразить противъ требованій этого народа. Извѣстный организаторъ черной сотни Шульгинъ, отъявленный монархистъ и душитель тѣхъ самыхъ „живыхъ силъ“, о которыхъ теперь начали говорить не иначе, какъ захлебываясь отъ энтузіазма, заявилъ по поводу требованія Учредительнаго Собранія: „Если бы мнѣ сказали два дня тому назадъ, что я выслушаю это требованіе и не только не буду противъ него возражать, но признаю, что другого исхода нѣтъ, что эта самая рука будетъ писать отреченіе Николая II, два дня тому назадъ я назвалъ бы безумцемъ того, кто бы это сказалъ, и себя считалъ бы сумасшедшимъ. Но сегодня я ничего не могу возразить. Да, Учредительное Собраніе на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія“. Всѣ эти господа — отъ націоналистовъ до лѣвыхъ кадетовъ включительно — которые въ лучшемъ случаѣ желали небольшого дворцоваго *переворотика* и пары жалкихъ „конституціонныхъ гарантій“, скрежетали зубами, но „на людяхъ“ расшаркивались направо и налѣво передъ той самой „красной тряпкой“, которая пугала ихъ больше, чѣмъ пугаетъ быка мантія торреадора.

Такимъ образомъ, идиллическая внѣшность абсолютно не соотвѣтствовала реальной дѣйствительности, и звонъ „общенаціональной“ *фразы* не могъ ни ослабить, ни тѣмъ болѣе уничтожить, *фактовъ классовой борьбы.*

Болѣе организованная буржуазія выдвинула изъ своей среды *Временный Думскій Комитетъ*, какъ центральный органъ своихъ силъ. Въ ту же ночь, почти въ тѣ же часы, въ Петербургѣ возникъ *Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ*, занявшій сразу руководящее положеніе среди пролетарскихъ и мелкобуржуазныхъ массъ.

Два обстоятельства нужно отмѣтить, чтобы понять, почему власть, завоеванная *народомъ*, перешла къ временному правительству *имперіалистической буржуазіи:* во-первыхъ, здѣсь сыграла роль относительно большая организованность этой буржуазіи; во-вторыхъ, въ этомъ повиненъ оппортунизмъ вождей рабочаго класса, вѣрнѣе его господствовавшаго тогда крыла. Тѣ самые „лидеры“, которые впослѣдствіи пошли въ полуимперіалистическое министерство,—ставъ въ позу непримиримой революціонности, боялись взять власть въ свои руки. Для нихъ русская революція была, прежде всего, революціей *буржуазіи;* для ихъ трусливой мѣщанской мысли всякій „лишній“ шагъ въ сторону отъ господства этой буржуазіи—былъ нарушеніемъ священныхъ правъ „буржуазной“ революціи; для нихъ непремѣнной обязанностью революціонера было запугиваніе рабочаго призракомъ запуганнаго буржуа. Эта тактика мѣщанскаго „соціализма“ была первороднымъ грѣхомъ русской революціи.

Такъ первое *Временное Правительство* вышло изъ нѣдръ черносотенно-кадетскаго Думскаго Комитета. Исполнительный Комитетъ Совѣта отклонилъ такъ же вхожденіе въ министерство, и только „сторонникъ дисциплины“ Керенскій вторично нарушилъ постановленіе своихъ коллегъ (первый разъ этотъ „с.-р.“ пошелъ въ Думу вопреки рѣшенію своей партіи), пролагая себѣ путь къ власти. Поэтому кабинетъ почти цѣликомъ явился организаціей современной финансово-капиталистической буржуазіи. Александръ Ивановичъ *Гучковъ*, лидеръ октябристовъ, представитель московскаго купечества, „военный въ штатскомъ платьѣ“—какъ онъ самъ себя характеризовалъ; тотъ самый Гучковъ, который во время московскаго возстанія организовалъ милицію въ помощь адмиралу Дубасову, разстрѣливавшему рабочихъ; Павелъ Николаевичъ *Милюковъ*, лидеръ партіи народной свободы, идеологъ россійскаго имперіализма, сторонникъ международнаго грабежа подъ соусомъ „освобожденія малыхъ народностей“, преданный другъ и рабъ англійскаго капитала, хитрый, беззастѣнчивый, съ сильной волей и съ профессорской эрудиціей примѣнительно къ подлости; А. И. *Коноваловъ*, крупнѣйшій фабрикантъ и биржевикъ, штем-

плеванный представитель предпринимательскихъ организацій; г. *Терещенко* — отпрыскъ сахарныхъ синдикатчиковъ, — таковы самыя значительныя фигуры „революціоннаго“ правительства, возглавляемаго *княземъ Львовымъ*, представителемъ просвѣщеннаго помѣщичьяго дворянства; рядомъ съ нимъ помѣстились Некрасовъ, Годневъ, другой Львовъ и вышеупомянутый гражданинъ Керенскій.

Однако, какъ ни труслива была тактика мелкобуржуазнаго соціализма, оказавшагося тогда организаторомъ-руководителемъ большинства петербургскаго пролетаріата, все же структура власти не могла не быть *компромиссной*, т. е. не могла не отражать фактической власти рабочаго класса и мелкой буржуазіи. Временное Правительство состояло изъ буржуа pure sang. Но наряду съ нимъ стоялъ Исполнительный Комитетъ Рабочихъ (а затѣмъ и Солдатскихъ) Депутатовъ.

Петербургъ господствовалъ надъ Россіей; рабочіе и солдаты господствовали надъ Петербургомъ. Органъ власти петербургскихъ рабочихъ и солдатъ сталъ, такимъ образомъ, наряду съ Временнымъ Правительствомъ, *общерусскимъ центромъ власти*. Двоецентріе политической власти отражало соціальную противоположность между цензовой буржуазіей и помѣщиками съ одной стороны, мелкой буржуазіей, крестьянствомъ и пролетаріатомъ—съ другой. Совѣтъ принялъ знаменитую формулу поддержки правительства „поскольку—постольку“: „поскольку оно, въ согласіи съ Совѣтомъ, будетъ неуклонно идти въ направленіи къ упроченію завоеваній революціи и расширенію этихъ завоеваній“. Соглашательской тактикѣ было положено прочное основаніе.

Первымъ актомъ Временнаго Правительства должно было бы быть провозглашеніе *демократической республики*. Но прокламировать демократическую республику—это значитъ сразу и безповоротно порвать съ прошлымъ. А развѣ можно быть „порядочнымъ человѣкомъ“ и рвать „безумно и безсмысленно“ съ „историческими традиціями“? И развѣ не лучшій оплотъ противъ „разбушевавшейся стихіи“, „фанатиковъ“ и „анархіи“ можно найти въ умѣренной конституціей монархіи?.. Противоположность между имперіалистической буржуазіей и революціонной демократіей сказалась здѣсь со всей силой. На совмѣстномъ засѣданіи Исполнительнаго Комитета и Временнаго Комитета Думы боязливые представители рабочихъ и солдатъ предлагали воздерживаться „отъ дѣйствій, „предрѣшающихъ форму правленія“. Представители партіи народной свободы (очевидно, изъ большого уваженія къ этой народной свободѣ) предлагали оставить *романовскую монархію*. Членъ Исполнительнаго Комитета Стекловъ говорилъ по этому поводу на Совѣщаніи Совѣтовъ[1]): „Я долженъ заявить категорически,

---

1) «Извѣстія Петроградскаго Совѣта», № 32.

что представители кадетовъ до конца и послѣдніе оспаривали этотъ пунктъ и не хотѣли ни за что согласиться не только на провозглашеніе демократической республики, чего мы не хотѣли насильно навязывать, но даже на нашу формулировку... Мы знали, что они хотѣли намъ, побѣдоносной русской демократіи, навязать романовскую монархію, не просто монархію, а именно романовскую, и въ частности Милюковъ настаивалъ на томъ, чтобы провозгласить императоромъ наслѣдника Алексѣя, а регентомъ великаго князя Михаила Александровича. Тщетно мы заявляли, что никакая политическая группа не имѣетъ права предвосхищать мнѣніе всего русскаго народа.., тщетно мы заявляли имъ, что мы простираемъ свое политическое благоразуміе (!) до того, что, несмотря на имѣющуюся въ нашихъ рукахъ физическую силу, не заставляемъ ихъ эту республику провозгласить и просимъ (!!) только не провозглашать монархіи... Несмотря на все это, по этому пункту соглашеніе не состоялось".

У „благоразумныхъ" вождей рабочаго класса и мелкой буржуазіи не хватило смѣлости „несмотря на физическую силу", требовать *декрета о республикѣ!* У лицемѣрныхъ защитниковъ народной свободы хватило наглости на другой день послѣ побѣдоноснаго возстанія требовать реставраціи *романовской монархіи!*

Членъ Временнаго Правительства, октябристъ Гучковъ, и членъ Думскаго Комитета, черносотенецъ Шульгинъ, съ благословенія кадета Милюкова уже отправились въ ставку, чтобы „охраняя родину отъ анархіи", т. е. предавая революцію и продавая народъ, заключить договоръ съ бандитами царизма. Но Михаилъ Романовъ оказался не такимъ храбрымъ, какъ Павелъ Милюковъ. Ему все же, очевидно, импонировала „физическая сила", стоящая за Совѣтомъ. Сдѣлка между цензовиками-буржуа и обитателями осинаго гнѣзда Романовыхъ не состоялась.

Соглашеніе между Совѣтомъ и Временнымъ Правительствомъ содержало въ себѣ, кромѣ аннулированнаго фактически пункта о формѣ правленія, еще слѣдующіе 8 пунктовъ: объ амнистіи; о свободѣ слова, печати, союзовъ, собраній и стачекъ; о немедленныхъ мѣрахъ по созыву Учредительнаго Собранія; о замѣнѣ полиціи выборной милиціей; о мѣстномъ самоуправленіи на основѣ четыреххвостки; объ отмѣнѣ всѣхъ сословныхъ, національныхъ и вѣроисповѣдныхъ ограниченій; о неразоруженіи и невыводѣ революціонныхъ войскъ изъ Петрограда и, наконецъ, о самоуправленіи арміи.

Временное Правительство опубликовало въ этомъ духѣ декларацію. Но его члены уже тогда начали тактику, которая потомъ расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ, тактику *саботажа.* Вскорѣ Испол-

нительный Комитетъ увидѣлъ, что господа министры отнюдь не спѣшатъ проводить въ жизнь возвѣщенную программу. Онъ предъявилъ тогда два требованія: *немедленный законъ объ амнистіи* и *декретъ противъ реакціонныхъ генераловъ,* которые явно подготовляли контръ-революціонный переворотъ.

Законъ объ амнистіи былъ вскорѣ опубликованъ. Открыто сдать его въ архивъ не рѣшился бы и самъ г. Милюковъ. Вѣдь еще Первая Государственная Дума, дѣтище кадетовъ, выставляло это требованіе! Вѣдь, нельзя же сразу продолжать политику прокурора Павлова, которому даже перводумскіе либералы единодушно кричали: „Долой палача!“.

Политическіе „преступники“ получили амнистію. Эмигранты должны были возвратиться въ новую Россію на государственный счетъ. Но подлость россійскаго имперіализма въ наше время должна быть умножена на подлость имперіализма международнаго.

Ллойдъ-Джорджъ и члены *англійской* охранки внесли коррективъ въ распоряженія (по крайней мѣрѣ, въ *гласныя* распоряженія) россійскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Русская революція грозила нанести ударъ не только царизму. Она грозила разжечь пожаръ *международной революціи,* разрушить священное единеніе трудящихся съ ихъ эксплуататорами, и съ имперіалистскимъ разбойничьимъ государствомъ. И если россійскій либерализмъ еще стыдился и *боялся* хватать за шиворотъ представителей революціоннаго интернаціонализма и пускать противъ нихъ методы борьбы, достойные лакеевъ Абдулъ-Гамида, то онъ это сдѣлалъ черезъ посредство своихъ *англо-французскихъ* коллегъ и охранныхъ чиновъ старыхъ (*царскихъ*) заграничныхъ консульствъ. Изъ Швейцаріи, Франціи, Англіи, Америки ряду лицъ выѣздъ фактически былъ воспрещенъ. Многихъ русскихъ гражданъ арестовали „союзные“ охранники, оправдывая свои разбойные пріемы грязной клеветой, на которую способенъ только остервенѣлый буржуа.

По поводу своего ареста англійскими властями Троцкій писалъ: „Англійской дипломатіи, вообще говоря, нельзя отказать ни въ осторожности, ни въ декоративномъ чисто внѣшнемъ „джентльменствѣ“. Между тѣмъ заявленіе англійскаго посла о полученной нами нѣмецкой субсидіи явно страдаетъ отсутствіемъ обоихъ этихъ качествъ: оно низко и глупо въ равной степени. Объясняется это тѣмъ, что у великобританскихъ политиковъ и дипломатовъ есть двѣ манеры: одна—для „цивилизованныхъ“ странъ, другая—для колоній. Сэръ Бьюкененъ (англійскій посолъ въ Петербургѣ. Н. Б.), который былъ лучшимъ другомъ царской монархіи, а теперь перечисляется въ друзья республики, чувствуетъ себя въ Россіи,

какъ въ Индiи или Египтѣ, а потому не усматриваетъ никакихъ основанiй стѣсняться“ [1]).

Это какъ нельзя болѣе правильно характеризуетъ отношенiя между союзниками. Оказалось, что знаменитое „право нацiй на самоопредѣленiе“, которое съ такой помпой возвѣщалось *на словахъ* имперiалистами всѣхъ странъ, не признается *на дѣлѣ* ни французскимъ, ни англiйскимъ правительствомъ даже по отношенiю къ *Россiи*! Оказалось, что милитаристическiй хлыстъ, которымъ Англiя оперируетъ въ своихъ *колонiяхъ*, сѣчетъ и „независимыхъ“ *русскихъ* гражданъ! Оказалось, что, если бронированный кулакъ германскихъ имперiалистовъ еще только вожделѣетъ къ Россiи, то англiйскiй имперiализмъ разсматриваетъ ее, какъ *уже* завоеванную страну! „Да здравствуетъ „pénetration pacifique!“ [2]).

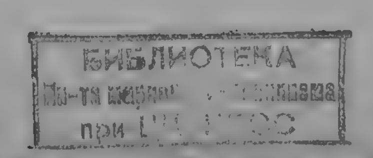
Подъ давленiемъ органовъ революцiонной демократiи арестованные были выпущены. Другимъ, однако, „союзники“ не дали проѣзда. Наоборотъ, они заготовили для нихъ приказы объ арестѣ. Такимъ образомъ, рядъ лицъ былъ *вынужденъ* ѣхать черезъ Германiю.

Если въ дѣлѣ съ возвращенiемъ амнистированныхъ эмигрантовъ явно намѣтилась линiя контакта между имперiалистскими правительствами союзниковъ и скрытыми пока вожделѣнiями, только что вылупившагося изъ яйца революцiи, но тѣмъ не менѣе тоже имперiалистскаго, Временнаго Правительства, то еще болѣе ярко сказалась природа этого Временнаго Правительства въ его отношенiи ко второму требованiю Исполнительнаго Комитета, объ *объявленiи внѣ закона реакцiонныхъ генераловъ*. Со всѣхъ сторонъ стекались извѣстiя, что ставка—центръ организующейся контръ-революцiи. Солдаты возмущаются реакцiонностью офицеровъ. Генералъ Эвертъ уже 6-го марта издаетъ приказы отъ имени Николая Николаевича съ призывомъ поддержать Романовыхъ. Генералъ Алексѣевъ (тотъ самый, съ которымъ потомъ цѣловался гражданинъ Керенскiй) угрожаетъ военно-полевымъ судомъ „революцiоннымъ бандамъ“ (!), ѣдущимъ изъ Петрограда. Генералъ Ивановъ, который въ критическiе дни привелъ войска для усмиренiя питерскихъ повстанцевъ, развиваетъ свою дѣятельность послѣ Петербурга въ Кiевѣ!

Тѣмъ не менѣе Временное Правительство, подъ предлогомъ выискиванiя соотвѣтствующихъ статей уголовнаго кодекса, тянуло канитель. Декретъ такъ и не былъ изданъ. Исполнительный Комитетъ Совѣта самъ сталъ принимать болѣе или менѣе рѣшитель-

[1]) *Л. Троцкiй.* «Въ плѣну у англичанъ». Изд. «Книга». Петроградъ.

[2]) «Pénetration pacifique»—«мирное проникновенiе». Такъ называютъ имперiалисты свое вторженiе въ слабыя страны, которое подготовляетъ окончательное порабощенiе этихъ странъ и подчиненiе ихъ вооруженной силой.

ныя мѣры, поскольку вообще можно говорить о рѣшительныхъ мѣрахъ со стороны оппортунистическаго большинства.

Началась эпоха *самоорганизаціи* революціонныхъ массъ: пролетаріата, солдатъ, крестьянъ. Петербургскій Совѣтъ могъ уже въ значительной мѣрѣ опираться на организованную силу. Авторитетъ Совѣтовъ—и въ особенности Петербургскаго Совѣта—выросъ въ очень значительную величину. Но въ той же мѣрѣ росло и глухое сопротивленіе Совѣту со стороны имперіалистской буржуазіи и ея органа—Временнаго Правительства. Въ особенности упорствовалъ военный министръ Гучковъ. Коммиссары Исполнительнаго Комитета встрѣчали систематическое противодѣйствіе новыхъ „вѣдомствъ". Буржуазія ясно чувствовала въ растущей мощи Совѣтовъ угрозу самой основѣ своего собственнаго существованія. Въ самомъ дѣлѣ, эти плебеи, чего добраго, захватятъ все въ свои руки! Гдѣ гарантіи того, что ихъ удовлетворитъ простая перемѣна политической формы?

Если господину Милюкову не удалось *сразу же* посадить вмѣсто Николая Алексѣя, то нужно позаботиться о такой возможности въ будущемъ. Временное Правительство стало вести переговоры съ коронованными родственниками Николая въ Англіи, чтобы переправить туда бывшаго царя. Но когда Исполнительный Комитетъ получилъ отъ желѣзнодорожныхъ служащихъ свѣдѣнія, что два литерныхъ поѣзда съ царской семьей уже идутъ на Петербургъ, чтобы двигаться далѣе къ границѣ, то онъ мобилизовалъ петербургскій гарнизонъ, занялъ вокзалы, разослалъ повсюду телеграфный приказъ: „задержать и арестовать!". Спасти „святое семейство" не удалось.

Но еще болѣе, чѣмъ вопросъ о формѣ *государственнаго устройства*, безпокоилъ буржуазію вопросъ объ отношеніи къ *имперіалистской войнѣ*. Какъ ни боролась буржуазія, главнымъ образомъ, въ лицѣ партіи народной свободы, противъ политической формулировки народной свободы, т. е. противъ демократической республики, тѣмъ не менѣе этотъ вопросъ былъ для нея второстепеннымъ. И при республикѣ можно вести грабительскую политику. Чему-нибудь да можно поучиться въ этомъ отношеніи у „свободной Америки" и „прекрасной Франціи"! Чистка конюшенъ царизма обѣщала даже болѣе экономное веденіе войны.

И *„союзники"* отлично понимали это. Въ одной изъ своихъ рѣчей Ллойдъ-Джорджъ прямо заявилъ по поводу пораженія царскихъ войскъ, что нѣмецкія пушки разбиваютъ цѣпи, которыя мѣшаютъ русскому народу вести войну. Точно такъ же, какъ имперіалисты Россіи ничего не имѣли бы противъ „переворотика" и со скрежетомъ зубовнымъ, но все же помирились бы и на республикѣ, англійскіе и французскіе имперіалисты „признали"

бы эту республику. Совсѣмъ другое дѣло, если поставить ребромъ вопросъ о войнѣ. Въ этомъ *сущность* финансоваго капитализма. Посягнуть на войну—это значитъ посягнуть на капиталистическую сверхприбыль, на право мірового разворовыванія. А что можетъ быть священнѣе этого права? Измѣнникъ родинѣ тотъ, кто осмѣливается протестовать!

Вмѣстѣ съ *имперіалистской буржуазіей* вокругъ лозунга „войны до конца" объединились всѣ фракціи господствующихъ классовъ. „Правые" исчезли со сцены, точно они были физически уничтожены. Ихъ многочисленныя организаціи, со специфическими названіями, ихъ субсидировавшіяся царскимъ правительствомъ газеты, ихъ „дѣятели", вродѣ Сашки Косого и проч.—потеряли свой яркій черносотенный характеръ. Весь этотъ аппаратъ, формально полураспущенный, фактически перешелъ на службу общебуржуазнаго блока, идейнымъ и политическимъ представителемъ котораго являлась *партія народной свободы*. Если при царизмѣ во имя общей цѣли *буржуазные имперіалисты* обслуживали крѣпостниковъ, то теперь, во имя той же цѣли, *крѣпостники* стали обслуживать буржуазныхъ имперіалистовъ. Блокъ „зубровъ" и „прогрессистовъ", какъ Фениксъ, вновь возсталъ изъ пепла, развѣяннаго мировой бойней. Но гегемонія перешла къ финансовому капиталу съ его „европейскими" пріемами мірового душительства.

Мелкая буржуазія, крестьянство (и крестьянская *армія*) отнюдь не ставили себѣ имперіалистскихъ, завоевательныхъ цѣлей. Русское крестьянство не сформировалось еще по типу нѣмецкаго Grossbauer'а, союзы котораго представляютъ по существу сельскохозяйственныя картели, остріемъ высокихъ монополистическихъ цѣнъ направленные противъ пролетаріата. Вмѣсто блока съ аграріемъ у насъ борьба противъ аграрія, борьба за землю. Война не только не сулитъ крестьянину барышей, которые она сулитъ финансовому капиталу; она подрываетъ крестьянское хозяйство, отнимая у него работниковъ и рабочій скотъ. Крестьянинъ знаетъ, что земля есть у него *подъ рукой*: это земля помѣщика. Увлечь крестьянина захватомъ какихъ-то невѣдомыхъ земель невозможно. Въ этомъ отношеніи онъ—узкій эмпирикъ. И вся сила его мысли направлена на близкую и доступную ему почву: на землю помѣщика. Это онъ покрывалъ ее своимъ потомъ. Это онъ обрабатывалъ ее своимъ убогимъ плугомъ. Это онъ, голодный, платилъ за нее столько денегъ помѣщику. Онъ долженъ получить ее по праву.

Нѣсколько иначе обстояло дѣло съ городской мелкой буржуазіей. Часть ея, связанная съ финансовымъ капиталомъ связью *сотрудничества*, являясь по существу придаткомъ организацій крупнаго капитала, повторяетъ всѣ лозунги чистаго имперіализма. Сюда же примыкаетъ въ значительной степени такъ называемая интел-

лигенція (врачи, адвокаты, учителя, словомъ, лица „свободныхъ профессій“). Наоборотъ, полупролетарскіе слои, непосредственно страдающіе отъ войны, готовы были протестовать противъ „проклятой бойни“.

Подавляющее большинство мелкой буржуазіи города и деревни было такимъ образомъ *противъ* имперіалистской войны. Но оно органически не могло усвоить себѣ точку зрѣнія *революціоннаго Интернаціонала.* Поскольку крестьянство опирается на *свою* землю и на землю, которую оно хочетъ сдѣлать *своей,* оно должно *защищать* эту землю отъ „внѣшняго врага“; поскольку ему нѣтъ дѣла до захватовъ чужеземныхъ владѣній, постольку ему нѣтъ дѣла и до того, что его *защитительная* война можетъ быть связана съ *имперіалистскими* планами союзныхъ банкировъ и превратиться на дѣлѣ въ *захватную* войну всей коалиціи. Съ одной стороны мелкая буржуазія протестуетъ противъ имперіализма, съ другой—она поддерживаетъ его. Съ одной стороны она готова бороться съ милитаризмомъ, съ другой—она почтительно преклоняется передъ насквозь милитаристской государственностью капитала. Съ одной стороны, она ненавидитъ этотъ капиталъ, барышниковъ, торгующихъ людьми, какъ лошадьми, спекулянтовъ, банкировъ, заводчиковъ, подрядчиковъ, всѣхъ этихъ крупныхъ воровъ, которые слетѣлись, какъ вороны на падаль; съ другой—она идетъ съ ними на соглашеніе, памятуя объ „общенаціональномъ дѣлѣ“. *Гнетъ капитала* заставляетъ ее мечтать о „царствѣ свободы“. *Узы собственности* тянутъ ее внизъ. Тактика ея по существу своему не можетъ не быть жалкой, а иногда и предательской. Идеологія ея—это мѣщанскій соціализмъ, соціалистическія *фразы* прежде всего. Революція—но „не слишкомъ далеко“. Борьба съ контръ-революціей—но „не запугивать буржуазіи“. Соціализмъ—но „лѣтъ черезъ двѣсти“. Братство народовъ—но какъ бы союзные банкиры не обидѣлись. Соціализмъ *соціалистовъ-революціонеровъ* есть выраженіе этой мелко буржуазной расхлябанности.

Соціальное положеніе *пролетаріата* освобождаетъ его отъ узъ, налагаемыхъ собственностью. По существу дѣла рабочіе не имѣютъ отечества, а имѣютъ лишь цѣпи наемнаго рабства, подвинчиваемыя этимъ отечествомъ. *Государственная организація капитала*, выступающая подъ такимъ псевдонимомъ, внушаетъ ему почтеніе лишь постольку, поскольку онъ находится въ идеологическомъ плѣну у мелкой буржуазіи или крупнаго капитала. Часто рабочій классъ находится въ такомъ плѣну. Но только онъ, какъ классъ, *можетъ* выйти за предѣлы этой зависимости. Только онъ можетъ подняться до точки зрѣнія, которая ставитъ интересы международной революціи выше интересовъ „своего“ отечества, т. е. національно-государственной организаціи капитала. Только онъ поэтому мо-

жетъ быть классомъ послѣдовательно революціоннымъ, безпощадно критическимъ, неуклонно интернаціоналистскимъ. Для мелкой буржуазіи шатанія—ея *натура.* Для пролетаріата—это болѣзнь. Мелкая буржуазія никогда не ведетъ послѣдовательной и рѣшительной линіи. Пролетаріатъ всегда почти имѣетъ фракцію несгибаемой революціонности.

Движеніе русскихъ рабочихъ имѣетъ обѣ такія фракціи: соціаль-патріотическую и мелкобуржуазную по своей идеологіи фракцію *меньшевиковъ* и послѣдовательно-революціонное крыло—*большевиковъ.* Намѣтившійся сразу блокъ эс-ровъ и меньшевиковъ является выраженіемъ ихъ идейнаго мелкобуржуазнаго сродства. „Противъ захватовъ, но за сохраненіе обязательствъ передъ союзниками и за защиту страны"—таковъ долженъ быть лозунгъ мелкой буржуазіи и части рабочихъ. „Противъ всѣхъ союзовъ съ какими бы то ни было капиталистами, противъ войны, ведущейся въ союзѣ съ ними"—такова была позиція революціоннаго пролетаріата.

Временное Правительство соціально опиралось на имперіалистскую буржуазію, но его поддерживалъ также и англо-французскій капиталъ, имѣвшій въ лицѣ сэра Джорджа Бьюкенена своего энергичнаго приказчика, а въ лицѣ Павла Милюкова своего вѣрнаго контрагента. Собственная линія Временнаго Правительства была линіей *союзнаго имперіализма.*

Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ опирался не только на рабочій классъ, но въ значительной мѣрѣ и на мелкую буржуазію (крестьяне-солдаты). Мелкобуржуазная часть Совѣта и часть рабочихъ, идущихъ еще за мелкой буржуазіей, составили *совѣтское большинство*, политически выражаемое эс-рами и меньшевиками.

Это опредѣлило политическую линію Совѣта. 14-го марта появилось знаменитое обращеніе: „*Къ народамъ всего міра*".

Воззваніе „Къ народамъ всего міра" было первымъ оффиціальнымъ документомъ, который говорилъ народнымъ массамъ всѣхъ воюющихъ странъ о дѣйствительномъ положеніи вещей и о дѣйствительномъ настроеніи пролетарско-крестьянскихъ массъ Россіи. До тѣхъ поръ всѣ свѣдѣнія были явно маргариновыя. Капиталистическіе круги „союзниковъ" сперва радовались перевороту, спасшему Россію отъ германофильства ближайшей родственниковъ Георга V. При извѣстіи объ образованіи Совѣтовъ органъ финансовой олигархіи „Times" уже забезпокоился. И вотъ Временное правительство, для успокоенія встревоженныхъ ожирѣвшихъ сердецъ господъ изъ лондонскаго Сити, дарило міръ слащавыми сообщеніями, проникнутыми духомъ самаго отъявленнаго раболѣпія, которое было тѣмъ болѣе комично, что сообщенія эти исходили отъ патентованныхъ представителей идеи россійской велико-

державности. Кадетскіе же корреспонденты, контролировавшіеся вѣдомствомъ г-на Милюкова, плясали какъ комнатныя болонки передъ барыней и почтительно егозили у ногъ англійскихъ имперіалистовъ, трусливо изображая русскую революцію, какъ мирный переворотъ, полной законности котораго мѣшало лишь, пожалуй, присутствіе нѣкоторыхъ статей въ россійскомъ уголовномъ кодексѣ, вкравшихся, очевидно, по недосмотру. Но если „Воззванію“ удалось преодолѣть рогатки россійскаго имперіализма, то оно натолкнулось на жесточайшее сопротивленіе со стороны „свободолюбивыхъ“ союзниковъ. Правительство *Франціи,* которое еще живетъ процентами съ капитала Великой Революціи и при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ божится лозунгами этой революціи, запретило манифестъ, и онъ дошелъ до французскаго народа, какъ нелегальный листокъ, изданный соціалистической оппозиціей.

Самый фактъ воззванія не могъ не импонировать. Во время войны—революціонный органъ власти рабочихъ и *солдатъ* обращаются ко всѣмъ народамъ, въ томъ числѣ и ко „внѣшнему врагу“! Это ли не крахъ милитаристскаго варварства?

Однако, манифестъ страдалъ глубокимъ внутреннимъ противорѣчіемъ. Съ одной стороны, онъ призывалъ къ прекращенію войны, къ борьбѣ за демократическій миръ, съ другой—онъ вмѣнялъ въ обязанность войну, какъ войну защитительную, несмотря на сохраненіе тайныхъ договоровъ съ союзниками, договоровъ явно захватническаго характера; съ одной стороны онъ звалъ народы—и особенно народы центральныхъ державъ—на возстаніе противъ своихъ правительствъ, а съ другой—молчаливо предполагалъ гражданскій миръ съ своей собственной буржуазіей, миръ, нашедшій такое яркое выраженіе въ поддержкѣ имперіалистскаго Временнаго Правительства. Словомъ, онъ воплощалъ ту самую двойственность и половинчатость, которая свойственна *мелкобуржуазному* „соціализму“. *In nuce онъ содержалъ уже возможность подчиненія демократіи захватническимъ цѣлямъ имперіалистскихъ акулъ.*

Но онъ выдвигалъ формулу мира безъ аннексій и контрибуцій. Онъ выражалъ несомнѣнную жажду этого мира. Въ общемъ и цѣломъ онъ былъ противъ имперіалистской войны и аппеллировалъ къ соціалистическому пролетаріату. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы обезпечить Совѣту злопыхательную — но до поры до времени скрываемую — ненависть буржуазіи.

Подъ непосредственнымъ идейнымъ вліяніемъ „воззванія“ прошли *фронтовые съѣзды:* въ Минскѣ, въ Псковѣ и др. Представители арміи, боевой военной силы, единодушно высказались противъ захватнической политики. Лозунгъ международнаго брат-

ства пріобрѣлъ, казалось, колоссальное количество приверженцевъ. Жажда мира была видна даже для слѣпого. *Братанье въ траншеяхъ* — служило достаточно яркимъ тому доказательствомъ.

Почти одновременно съ Минскимъ съѣздомъ состоялось *всероссійское совѣщаніе Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ*, подтвердившее позицію петербургскаго Совѣта. Но это же совѣщаніе попалось на словесную удочку Временнаго Правительства, одобривъ его *внѣшнюю* политику. Дѣло въ томъ, что 28 марта Временное Правительство, подъ давленіемъ революціонной демократіи опубликовало *обращеніе къ гражданамъ Россіи*, гдѣ „цѣлью свободной Россіи" объявлялось „установленіе прочнаго мира на основѣ самоопредѣленія народовъ", а не „насильственный захватъ чужихъ территорій". Господа, которые privatim на всѣхъ перекресткахъ выступали за захваты и барабанили до безконечности о побѣдномъ „концѣ", которые — подобно Милюкову — сдѣлали себѣ политическую карьеру уже въ передней царскаго министра Сазонова, эти люди выступили теперь за „демократическій миръ". Нужно было обладать поистинѣ сверхразумнымъ благодушіемъ, чтобы не замѣтить за благородной внѣшностью волчьихъ клыковъ и лисьяго хвоста. Совѣты не замѣтили этого. Они увидѣли въ обращеніи правительства „важный шагъ навстрѣчу осуществленію демократическихъ принциповъ въ области внѣшней политики". Они не поняли, что языкъ данъ дипломатамъ для того, чтобы скрывать свои мысли. Они не учли того, что всѣ правительства выпускаютъ десятки тысячъ *фразъ*, которымъ могъ бы позавидовать Макіавелли. *Вмѣсто организованнаго недовѣрія буржуазіи они призвали массы къ организованному довѣрію этой буржуазіи; вмѣсто разоблаченія фальши они санкціонировали эту фальшь.*

Всякое классовое представительство въ общемъ и цѣломъ выполняетъ волю класса, его создавшаго. Тактика имперіалистовъ, сидящихъ въ своихъ банкирскихъ конторахъ, дирекціяхъ своихъ фабрикъ, посѣщающихъ свои „съѣзды" и „совѣщанія", легальные и нелегальные — эта тактика совпадаетъ съ тактикой тѣхъ же людей, когда они сидятъ въ министерскихъ креслахъ, *по существу*. Но она почти никогда не совпадаетъ *по формѣ*, которая можетъ быть далека отъ сущности, какъ небо отъ земли. Ибо политическій жаргонъ дипломатовъ гораздо болѣе гнусенъ, чѣмъ жаргонъ уличныхъ воровъ, которые, залѣзая въ карманъ, никогда не аппеллируютъ къ простымъ законамъ права и нравственности, къ категорическому императиву Канта, къ заповѣдямъ христіанской добродѣтели или къ священнымъ идеаламъ цивилизаціи.

Внѣ сферы оффиціальныхъ отношеній буржуазія вела аттаку противъ Совѣтовъ довольно открыто. Цѣлый рядъ кампаній противъ нихъ былъ организованно проведенъ путемъ систематической

травли въ *буржуазной прессѣ.* Буржуазная пресса выказала себя сильнѣйшимъ орудіемъ духовнаго порабощенія массъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи милліонныя средства, монополизируя чуть ли не весь запасъ бумаги, захвативъ фактически почти всѣ типографіи, буржуазная чернь плясала свой дикій танецъ, обрабатывая „общественное мнѣніе" на потребу отечественнаго и союзническаго капитала и путемъ подносимаго ежедневно въ лошадиныхъ дозахъ лганья создавая типъ запуганнаго революціей обывателя. Точно такъ же поступаетъ свиноводъ, когда онъ, путемъ „раціональнаго" ухода создаетъ типъ свиньи, лишенной основного свойства живого существа — движенія — и пригодной только на убой.

Братство народовъ превращалось подъ перомъ этихъ грязныхъ писакъ въ пособничество Германіи; *демократизація арміи* и *проповѣдь мира* — въ причины пораженія на Стоходѣ, пораженія, которымъ армія въ дѣйствительности была обязана исключительно безпардонному поведенію высшаго командного состава; *восьмичасовой рабочій день* выставлялся чуть ли не государственной измѣной, и солдаты приглашались къ нападенію на рабочихъ, якобы оставляющихъ армію безъ снарядовъ; наконецъ, *самое существованіе Совѣтовъ* изображалось, какъ тормазъ дѣловой работы Временнаго Правительства. Въ этой аттакѣ противъ Совѣтовъ и противъ рабочихъ сомкнутымъ строемъ шелъ центральный органъ имперіалистовъ „Рѣчь" и протопоповско-банкирская „Русская Воля", добросовѣстно" — профессорскія „Русскія Вѣдомости" и газета матерыхъ охранниковъ „Новое Время", московское „Matin" — желтое „Русское Слово" и презрѣнная „Биржевка". Въ особенности бѣсилъ этихъ печальниковъ о благѣ народномъ восьмичасовой рабочій день. Не только газеты, чуть ли не всѣ „живыя рабочія силы" буржуазіи — молодыя и старыя дѣвицы, студенты, даже гимназисты, были мобилизованы, чтобы поучать рабочихъ и разсказывать имъ о необходимости работать „на нужды обороны" больше 24 часовъ въ сутки, а, главное, чтобы натравить солдатъ на рабочихъ и такимъ образомъ обезсилить и внутренне разложить движеніе.

Совѣты видѣли все это и *словесно* боролись съ такой травлей. На большее у нихъ рѣдко хватало рѣшимости. Какъ можно, въ самомъ дѣлѣ, прикоснуться къ „свободѣ" „Рѣчи", разъ ея шефъ сидитъ въ облеченномъ довѣріемъ демократіи правительствѣ? Это было бы преступленіемъ по отношенію къ „революціонному министру!" Но если газета „Рѣчь" связана съ министромъ, то, значитъ, министръ связанъ съ газетой „Рѣчь". Вотъ этого-то и не видѣли Совѣты. Вмѣсто того, чтобы имѣть передъ собой *классовую* сущность правительственной власти, они разсматривали имперіалистское насквозь Временное Правительство, какъ ариѳметическую

сумму отдѣльныхъ лицъ съ кастрированными классовыми устремленіями. Ихъ умственная слѣпота, ихъ поистинѣ трогательная наивность доходила до того, что они искренне считали самыхъ яркихъ идеологовъ имперіализма за апостоловъ демократическаго мира!

Холодной водой окатилъ ихъ Павелъ Николаевичъ *Милюковъ*. *20 апрѣля* этотъ министръ иностранныхъ дѣлъ опубликовалъ свое „разъясненіе“ къ нотѣ 27 марта Г. Милюковъ имѣлъ наглость помѣтить его днемъ 18 апрѣля, когда небывалыя выступленія несмѣтныхъ массъ рабочихъ и солдатъ выдвинули по всей Россіи лозунги международнаго праздника пролетаріевъ. „Разъясненіе“ предназначалось уже не для „гражданъ свободной Россіи“, а для союзныхъ правительствъ. Тутъ нуженъ былъ иной языкъ и иныя формулы. И господинъ Милюковъ заговорилъ уже не только о „рѣшительной побѣдѣ надъ врагомъ“, но и о „санкціяхъ и гарантіяхъ прочнаго мира“, что на дипломатическомъ жаргонѣ означаетъ какъ разъ тѣ самыя аннексіи и контрибуціи, противъ которыхъ якобы должна была протестовать правительственная нота отъ 27 марта. Впослѣдствіи, на съѣздѣ своей партіи, г-нъ Милюковъ съ истиннымъ благородствомъ профессіональнаго дипломата заявилъ, что онъ лгалъ гражданамъ Россіи ex officio, по долгу службы.

На ноту Милюкова рабочая и солдатская масса отвѣтила грандіознымъ выступленіемъ. *20 и 21 апрѣля* въ Петербургѣ, Москвѣ и рядѣ другихъ городовъ вспыхнули *могучія демонстраціи протеста противъ Временнаго Правительства*, и въ особенности противъ Милюкова. Жалкая провокація кадетовъ, стремившихся вызвать сумятицу, потерпѣла крахъ. „Извѣстіямъ Петроградскаго Совѣта“ сообщали: „На грузовомъ автомобилѣ, съ котораго разбрасывались к.-д. прокламаціи, *находились вооруженныя люди и пулеметы;* на другомъ грузовикѣ съ такими же прокламаціями и плакатами стояли *солдаты съ дорогими цвѣтами* въ рукахъ... Рабочія манифестаціи, хотя бы и не вооруженныя, подвергались нападеніямъ со стороны націоналистовъ.“[1]) Но какъ ни старались сторонники Милюкова дезорганизовать демонстрацію, направленную противъ Милюкова, сдѣлать этого имъ не удалось. Провокаторскіе выстрѣлы повлекли за собой нѣсколько жертвъ, но это не разстроило сплоченности массъ, стихійно вышедшихъ на улицу.

Подъ давленіемъ вооруженной демонстраціи рабочихъ и солдатъ Временное Правительство издало „разъясненіе“ къ „разъясненію“ министра Милюкова, гдѣ „рѣшительная побѣда“ оказалась „достиженіемъ задачъ“, опубликованныхъ въ нотѣ 27 марта, а импе-

---

[1]) „Извѣстія“, № 49. Курсивъ „Извѣстій“.

ріалистскія „санкціи“ и „гарантіи“ превратились въ невинно-поповскій вздохъ о разоруженіи и международномъ трибуналѣ. Совѣтъ удовлетворился этимъ разъясненіемъ и, отдавъ должное рабочимъ и солдатскимъ массамъ, призвалъ ихъ къ спокойствію. Временное Правительство — писали „Извѣстія“ въ № отъ 22 апрѣля: „своимъ разъясненіемъ уничтожило всѣ пагубныя двусмысленности ноты 18 апрѣля и тѣмъ сняло съ очереди дня... лозунгъ: „Долой Временное Правительство“...[1])

Тѣмъ не менѣе *на дѣлѣ* господа министры вовсе и не думали отступать. Въ день демонстраціи, 20 апрѣля, въ Кіевѣ Гучковъ заявилъ объ отсрочкѣ Учредительнаго Собранія до конца войны. Уже *послѣ* опубликованія разъясненія Временнаго Правительства, а именно 22 апрѣля, г. Милюковъ заявилъ корреспонденту „Манчестеръ Гардіанъ“, что Россія должна „получить господство надъ Босфоромъ и Дарданеллами“, и что она будетъ требовать раздѣла Австріи. На слѣдующій день, 23 апрѣля, другой вояка россійской марки, г. Гучковъ, произнесъ пылкую рѣчь въ Яссахъ, гдѣ высказался противъ окончанія войны „въ ничью“ и за „полный разгромъ Австріи и Германіи“[2]). Словомъ, волки, выступавшіе въ овечьихъ шкурахъ передъ „свободными русскими гражданами“, тотчасъ же обнажали свои хищные зубы, какъ только они начинали вести дѣловой разговоръ съ союзниками“. Въ сущности они *плевали* на издаваемые ими же „документы“, которымъ по своей сантиментальной наивности придавали такую цѣну Совѣты. Совѣты думали, что буржуазія капитулировала передъ ними. На самомъ дѣлѣ они капитулировали передъ буржуазіей. *Эта капитуляція выразилась въ историческомъ обращеніи: „Къ арміи“.*

Воля къ миру среди широкихъ слоевъ арміи проявлялась въ необычайномъ распространеніи *братанья на фронтѣ.* Среди крови и грязи, въ которой захлебывалось озвѣрѣвшее человѣчество, братанье было яркимъ и свѣтлымъ пятномъ. Фактически оно прекратило на одномъ фронтѣ военныя дѣйствія. Появились уже признаки перебрасыванья „братанья“ и на другіе фронты. Война, эта гнусная гадина, грозила быть задушенной усиліями самихъ массъ, уставшихъ насильничать изъ подъ палки. Казалось, миръ будетъ установленъ самими массами черезъ головы правительствъ.

Понятно, какое бѣшенство возбуждало возникновеніе человѣческихъ отношеній между „врагами“ у людоѣдовъ отъ буржуазіи. Они забили тревогу. Моремъ лганья стали они запугивать обывателя. А къ ихъ хору присоединился внушительный басъ союзниковъ, которые требовали прекращенія „безобразія“, которые на-

---

1) Ibid., № 47.
2) „Извѣстія“, № 45.

стаивали на наступленіи подъ угрозой лишить правительство своей финансовой поддержки. *Нужно было во что бы то ни стало сорвать братанье и международную революцію, которая хотѣла сорвать войну и имперіализмъ.*

Таковы были планы буржуазіи, той самой буржуазіи, которая явно вожделѣла къ чужому добру. И Совѣты *помогли* этимъ планамъ. Въ возваніи „Къ арміи" не только рѣзко осуждалось братанье, какъ возможная ловушка нѣмецкаго генеральнаго штаба, но и указывалась необходимость *наступленія.* Это было все, что требовалось пока для буржуазіи. Одновременное обращеніе „къ соціалистамъ всего міра" производило уже жалкое впечатлѣніе. Ибо нельзя призывать ихъ къ возстанію противъ капитала, поддерживая у себя „дома" отъявленныхъ имперіалистовъ.

Обращеніе „Къ арміи" — было рѣшительнымъ сдвигомъ вправо. Равненіе направо пошло затѣмъ ускореннымъ темпомъ. *Мелкая буржуазія и мѣщанскій соціализмъ сдали свою важнѣйшую позицію,* сдали безславно, безъ боя. Это обстоятельство не могло не имѣть крупнѣйшихъ послѣдствій.

1 мая — 3 іюля.

Не только отечественная финансово-капиталистическая буржуазія, но и буржуазія „союзниковъ" въ страхѣ смотрѣла на развивающіяся на фронтѣ сцены братанья. *Мобилизація всѣхъ силъ буржуазной коалиціи противъ братанья и возобновленіе военныхъ операцій во что бы то ни стало* — такова была очередная задача капитала. Относительно слабую россійскую буржуазію усиленно подгонялъ англо-американско-французскій хлыстъ. Въ своей прессѣ, въ безчисленныхъ миссіяхъ, коммиссіяхъ и экспедиціяхъ западно-европейскій и американскій капиталъ съ цинизмомъ, свойственнымъ ему, когда онъ сознаетъ свою силу и когда нѣтъ риска, заявлялъ, что онъ запретъ свои денежные сундуки, если Россія не будетъ наступать. Вѣдь, должна же кровь русскаго солдата оплачивать свой иностранный денежный эквивалентъ! А если „русская демократія" (тутъ ужъ сталъ замѣтенъ тонъ сдержаннаго бѣшенства къ „великому и славному народу"), если „русская демократія" и *тогда* не захочетъ наступать, то мы, свободныя, демократическія страны, будемъ воевать однѣ!

За кулисами оффиціозной и оффиціальной прессы поговаривали даже, что англійскіе друзья готовятъ своимъ россійскимъ союзникамъ карательную экспедицію съ Дальняго Востока на случай неповиновенія. Такими экспедиціями хотѣли заставить русскій народъ покориться и безпрекословно исполнять „священныя обязательства", подписанныя агентами свергнутаго царя.

Западно-европейской и американской банкократіи непосредственно служилъ и западно-европейскій и американскій *соціаль-патріотизмъ.* Но въ то время какъ пріѣзжавшіе въ Россію капиталистическіе воротилы указывали своими жирными пальцами прямо и ясно на деньгу, соціальпатріотическіе коммивояжеры лондонскаго Сити и парижской биржи, всѣ эти Тома, Гендерсоны, Лабріолы и tutti quanti, обрабатывали революціонную демократію, взывая въ „солидарности народовъ“, которая страннымъ образомъ располагалась по линіи, намѣченной имперіалистами соотвѣтствующихъ странъ. Буржуазія шла за своими иностранными друзьями и покровителями. Крестьяне, солдаты и часть рабочихъ внимательно слушала имперіалистскія проповѣди, которыя преподносились имъ подъ „демократическимъ“ соусомъ западно-европейскими коллегами.

Послѣ ухода изъ министерства Гучкова и Милюкова, двухъ министровъ, особенно ненавистныхъ демократіи („не я ушелъ — меня ушли“, — резюмировалъ „событіе“ г-нъ Милюковъ) начались зазыванія въ кабинетъ наиболѣе ручныхъ „соціалистовъ“ Буржуазія прекрасно понимала, что политика наступленія есть игра va banque. Она заранѣе готовилась и къ провалу этого наступленія. Нужно было поэтому раздѣлить отвѣтственность, а не брать ее цѣликомъ на себя. Правда, былъ еще одинъ козырь — большевики. На нихъ можно было взвалить возможный крахъ. Но необходимо было, чтобы исходный толчекъ шелъ тоже отъ „соціалистовъ“. Армія жаждетъ мира. Армія не вѣритъ капиталистическимъ министрамъ. Она будетъ разсматривать приказы о наступленіи, какъ *провокацію капитала.* Такъ пусть же сами Совѣты бросятъ ее въ море крови! Пусть „соціалисты“ дѣлаютъ дѣло Гучкова! Пусть они, призывающіе къ миру, сами сорвутъ дѣло мира! Пусть они дискредитируютъ себя въ глазахъ своихъ западныхъ „товарищей“! Да здравствуетъ коалиціонное министерство!

Въ ночь *съ 1 на 2 мая* Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ вынесъ принципіальное рѣшеніе *за* вхожденіе во Временное Правительство. Исполнительный Комитетъ поставилъ при этомъ условія вхожденія, выраженныя въ 8 пунктахъ: дѣятельная внѣшняя политика въ пользу всеобщаго мира, демократизація арміи и подготовка ея боеспособности на случай обороны и *наступленія,* борьба съ хозяйственной разрухой путемъ контроля надъ производствомъ и распредѣленіемъ, защита труда, подготовка перехода земли къ трудящимся, обложеніе имущихъ классовъ и финансовая реформа, демократическое самоуправленіе и скорѣйшій созывъ Учредительнаго Собранія въ Петербургѣ. Послѣ нѣсколькихъ дней переговоровъ въ кабинетъ вошли, какъ делегаты Исполнительнаго Комитета, *М. И. Скобелевъ,*

представитель меньшевиковъ, человѣкъ покладистый и уступчивый, и къ тому же совершенно неподготовленный къ той роли, которую ему пришлось играть благодаря прихоти исторіи; *В. М. Черновъ,* теоретическій глава соціалистовъ-революціонеровъ, недавній циммервальдецъ и архи-революціонеръ, врагъ всякаго гражданскаго мира и идеологіи „защиты отечества", быстро свернувшій знамя революціоннаго интернаціонала тотчасъ по переѣздѣ черезъ государственную границу; *И. Г. Церетели,* въ нѣсколько часовъ перемѣнившій свой „принципіальный" взглядъ на вхожденіе въ буржуазное министерство; наконецъ, *А. В. Пѣшехоновъ,* народный соціалистъ, либералъ-народникъ, „старый, добрый демократъ".

Теперь то можно начать игру!

Этой игрѣ имперіалистовъ шли все больше навстрѣчу сами Совѣты. Тотчасъ же послѣ сформированія коалиціоннаго министерства Совѣтъ счелъ нужнымъ категорически высказаться *противъ опубликованія тайныхъ договоровъ,* на чемъ настаивала *революціонная соціальдемократія.* Всѣ предпосылки, необходимыя для капитала, были на лицо: осужденіе Совѣтами братанья, вхожденіе въ министерство, призывъ къ наступленію на основѣ отказа отъ опубликованія грязныхъ договоровъ царя, признанныхъ священными обязательствами. Чего же больше нужно было для имперіалистской клики? Паденіе мелкобуржуазнаго большинства Совѣтовъ оттѣнялось еще болѣе тѣмъ, что, въ отвѣтъ на пожеланія русской демократіи, англійское и французское правительство выпалило нотами, которыя не говорили, а *кричали:* „Мы *за* аннексіи! Мы *за* контрибуціи!" Г-да Рибо и Ллойдъ-Джорджъ поспѣшили подтвердить это своими парламентскими рѣчами и разгромомъ Греціи. А Италія ограбила Албанію, торжественно „самоопредѣливъ" ее въ Римѣ, какъ свою новую провинцію. Такова была новая „побѣда демократіи". Обрадованная буржуазія начала бѣшеный барабанный бой. Алармистская печать заработала во-всю. Сегодня—она оглушала обывателя сообщеніемъ, что нѣмцы уже стоятъ чуть ли не подъ Петербургомъ и концентрируютъ грандіозныя силы для аттаки на русскомъ фронтѣ. Завтра—она призывала спасать Францію и Англію, куда тѣ же нѣмцы перебросили всѣ свои силы. Сегодня—она увѣряла, что фронтъ наканунѣ гибели, завтра—она кричала, что „два-три удара"— и врагъ будетъ разбитъ. А въ это самое время новый военный министръ А. Керенскій началъ свои агитаціонныя поѣздки и пламенно-побѣдныя рѣчи, съ одинаковымъ усердіемъ посѣщая фронтъ и тылъ, театральныя помѣщенія и окопы, концерты-митинги и Совѣты революціонной демократіи, казармы и привилегированныя военно-учебныя заведенія. Объединенная буржуазія смотрѣла на него восхищенными глазами, внутренне подсмѣиваясь

надъ простодушнымъ совѣтскимъ большинствомъ. Портреты Керенскаго становились патріотической иконой. За его автографы, распродаваемые съ аукціона, буржуа давали тысячи. Дамы изъ „порядочнаго“ общества осыпали его розами и расточали ему свои улыбки. И уже въ желтой прессѣ намѣчался лозунгъ: „Да здравствуетъ полномочный Керенскій!“

Однако, все же между имперіалистической буржуазіей и пролетарско-крестьянской демократіей соглашеніе не могло быть внутренне прочнымъ. Кризисъ власти, который выражался раньше въ двоецентріи этой власти и въ непрерывной, то болѣе глухой, то болѣе острой борьбѣ между Временнымъ Правительствомъ и Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ Петербурга,— этотъ кризисъ, отражавшій борьбу двухъ важнѣйшихъ классовыхъ группировокъ, не былъ изжитъ до конца. Онъ перешелъ лишь въ иную *форму*, форму *скрытаго* кризиса, запрятаннаго въ нѣдрахъ коалиціоннаго правительства. Этимъ, конечно, не сказано, что борьба между Исполнительнымъ Комитетомъ и Временнымъ Правительствомъ, вѣрнѣе, его капиталистическимъ большинствомъ, окончательно исчезла. Но она отчасти перешла уже въ покои министерскихъ помѣщеній, и мрачныя стѣны казенныхъ зданій прикрыли ее отъ взоровъ широкихъ массъ.

Позиціи новаго Временнаго Правительства съ его формулой „мира безъ аннексіи и контрибуцій“ была встрѣчена союзниками „полнымъ признаніемъ“ *словъ* при ясно выраженной аннексіонистской волѣ. Систематически, неуклонно правительства союзниковъ дѣлали холодно-вѣжливый поклонъ въ сторону формулы и потомъ „разъясняли“ ее такъ, какъ это выгодно имперіалистамъ. Они надѣялись при этомъ на молчаливую симпатію крупно-капиталистическаго большинства россійскаго правительства, И они не ошибались. По компетентному объясненію г-на Милюкова на кадетскомъ съѣздѣ, онъ прилагалъ всѣ силы, чтобы союзники знали о захватническихъ намѣреніяхъ „Россіи“ и только по должности министра подписывалъ антианнексіонистскія деклараціи. Болѣе того. Г-нъ Милюковъ, вѣдь, выразилъ увѣренность, что его преемникъ, г. Терещенко, будетъ такъ же мудръ, какъ и онъ, профессоръ Милюковъ. И, конечно, доблестные друзья Россіи не могли нахвалиться „глубокимъ государственнымъ смысломъ“ отвѣтственныхъ дѣятелей русскаго правительства.

Такая политика не могла не вызывать тревоги у органовъ демократіи. Уже въ № отъ 14 мая „Извѣстія“ помѣстили довольно рѣзкую статью противъ союзниковъ. А черезъ день тѣ же „Извѣстія“ стали бить отбой и по пункту о *наступленіи.* Въ № 68, въ статьѣ: „Наступленіе или готовность къ наступленію?“ — этотъ органъ писалъ:

„Босые и нагіе люди, лишенные хлѣба, сидящіе на голодномъ пайкѣ, болѣющіе цынгой, не только не могутъ наступать, но и жить не могутъ. Значитъ, прежде всего, нужно позаботиться о томъ, чтобы армія была снабжена всѣмъ необходимымъ".

„*Не можетъ наступать* армія, въ которой нѣтъ полнаго довѣрія между солдатомъ и офицеромъ".....

„*Не можетъ наступать* армія, третій годъ выдерживающая удары врага, въ которой всѣ измучены духовно и физически"...

„*Не можетъ наступать* революціонная армія, если каждый солдатъ въ ея рядахъ не имѣетъ твердой увѣренности въ томъ, что подвигъ и жертва его служатъ дѣйствительно дѣлу свободы, а не обогащенію хищниковъ международнаго капитала"...

Изъ всего этого дѣлался выводъ о *подготовкѣ* арміи къ наступленію, а не о немедленномъ наступленіи.

Но это были *слова*. Дѣло было уже сдѣлано. Соглашеніе состоялось. А черезъ участіе въ кабинетѣ состоялось и *соглашеніе съ тѣми самыми имперіалистами Европы*, противъ которыхъ направились словесныя стрѣлы „Извѣстій". Ниточка, связавшая органы революціонной демократіи съ „своими" отечественными имперіалистами, тянулась еще дальше и туго наматывалась въ темныхъ подвалахъ Англійскаго Банка, этого гигантскаго спрута, распустившаго свои цѣпкія длинныя лапы по всему міру, задушившаго многомилліонные народы и схватившагося въ смертной хваткѣ съ хищниками Центральной Европы.

Для новой Россіи ясно намѣтился путь стараго европейско-американскаго развитія, путь отъ демократіи къ имперіалистской диктатурѣ. По этому пути „свободныя" страны Западной Европы шли съ самаго начала войны, и онѣ уже пришли къ почти полному уничтоженію демократіи. Поскольку верховнымъ критеріемъ для части рабочихъ и для мелкой буржуазіи стали интересы имперіалистической войны, сознавали то или не сознавали эти классы, постольку создавалась идейная гегемонія имперіалистской буржуазіи и ея фактическая диктатура. Въ *Россіи* война началась при другихъ условіяхъ. Демократическая масса была противопоставлена съ самаго начала пулеметамъ своего *собственнаго* правительства. И если классы *крупныхъ собственниковъ* пошли на священный союзъ съ царизмомъ, то никакіе призывы Плехановыхъ не могли заставить *рабочія массы* сидѣть въ почтительномъ смиреніи передъ царистскимъ варварствомъ. На гражданскій миръ съ *царемъ* массы пойти *не могли*. Не потому, чтобы онѣ были интернаціональны, а потому, что онѣ были слишкомъ ненавистны царизму, а царизмъ былъ слишкомъ ненавистенъ имъ. Царизмъ не могъ выставить своимъ лозунгомъ „защиту демократіи", какъ это дѣлали имперіалисты Запада и Америки, которые, говоря

о защитѣ этой демократіи, все время яростно душили ее ботфортами милитаризма. Но если царизмъ не смогъ привязать къ себѣ массъ даже манифестами Плеханова, то это могли сдѣлать *имперіалисты*, волею судебъ очутившіеся на верху государственной власти. *Этотъ процессъ и нашелъ свое выраженіе въ соглашательской тактикѣ мелкой буржуазіи, съ ея ускореннымъ, хотя и неравномѣрно, темпомъ уступокъ россійскому и союзническому имперіализму.*

Однако особенность русскихъ условій заключается въ наличности антагонизма между *крестьяниномъ* и *помѣщикомъ*. И если „общенаціональныя" задачи *войны* втягиваютъ массы въ орбиту имперіализма, то *тяга къ землѣ* со стороны крестьянина постоянно рветъ налаживающееся соглашеніе и отводитъ въ сторону отъ народной шеи удавную петлю, которую хочетъ затянуть на ней воинствующій имперіализмъ. Крестьянинъ хочетъ *защищать* землю— и потому онъ идетъ на обманный лозунгъ „защиты", выдвигаемый имперіалистами, въ дѣйствительности стремящимися къ нападенію, и именно ради этого онъ идетъ на соглашеніе съ помѣщикомъ. Но онъ хочетъ *получить* землю,—и для этого онъ долженъ рвать съ этимъ помѣщикомъ. Изъ этого порочнаго круга постоянно стремится выйти тактика мелкой буржуазіи—и не можетъ выйти. Она лишь „предвѣчно исходитъ" изъ него, какъ Святой Духъ изъ Бога-Отца по ученію христіанской церкви.

Въ то время какъ трубачи имперіализма трубили военное наступленіе, которое могло быть лишь предпринятой изъ политическихъ цѣлей *военной авантюрой*, каждый день войны способствовалъ нарастающему, какъ лавина, *экономическому развалу*.

Производство въ конецъ обезкровлено. Почти всѣ силы высасываетъ война. Область производительнаго труда сокращается до минимума, воспроизводства ряда нужнѣйшихъ предметовъ—въ особенности средствъ производства—нѣтъ совершенно. Нѣтъ сырья, нѣтъ топлива, нѣтъ необходимѣйшихъ предметовъ потребленія. Деградація производительныхъ силъ по всему фронту. Процвѣтаютъ лишь шрапнельныя мастерскія да заводы, выдѣлывающіе для „внѣшняго врага" ядовитые газы.

Транспортъ разстроенъ до послѣдней степени. Прихрамывая на обѣ стороны, обветшалые вагоны едва успѣваютъ перевозить военные грузы. По всѣмъ дорогамъ заторы. Число больныхъ паровозовъ мѣстами доходитъ до 50%. Угрожаетъ реальная опасность, что въ одинъ прекрасный день желѣзныя дороги станутъ и откажутся служить. Нехватка продуктовъ изъ за недопроизводства обостряется разваломъ транспорта. Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается и безъ того невыносимая дороговизна.

Состоянiе *финансовъ* выражается въ Гауризанкарѣ бумажныхъ денегъ и чудовищномъ долгѣ. При отсутствiи прироста реальныхъ цѣнностей печатные станки, заготовляющiе бумажки, работаютъ такъ энергично, что ломаются отъ перенапряженiя. И только *тогда* временно прекращается теченiе шелестящаго бумажнаго потока, который приводитъ къ полнѣйшему обезцѣненiю рубля. Въ той же пропорцiи, въ какой рубль превращается въ негодный клочекъ бумаги, всѣ товары превращаются въ недосягаемую для этого рубля драгоцѣнность. Бичи дороговизны превращаются въ скорпiоны, которые все быстрѣе пляшутъ по спинамъ народныхъ массъ.

При такомъ положенiи дѣлъ только рѣшительныя революцiонныя мѣропрiятiя могли бы помочь бѣдѣ. Такiя мѣропрiятiя предлагали *большевики.* Какъ въ вопросѣ о войнѣ и о соглашенiи съ капиталистами, точно такъ же и въ вопросѣ о борьбѣ съ хозяйственной рузрухой только эта партiя, *партiя революцiоннаго пролетарскаго соцiализма,* взяла правильный курсъ. Нацiонализацiя банковъ и трестовъ, контроль рабочихъ надъ производствомъ, передача власти Совѣтамъ, нацiонализацiя земли, всеобщая трудовая повинность, поимущественное обложенiе и отказъ отъ платежа государственныхъ долговъ—таковы были главные лозунги пролетарской партiи. Центральный органъ большевиковъ, „Правда", несъ эти лозунги въ массу, гдѣ они распространялись съ чрезвычайной быстротой. Даже тѣ рабочiе, которые шли за оппортунистами въ вопросѣ о войнѣ и Временномъ Правительствѣ, въ значительной степени шли за большевиками, когда заходила рѣчь о борьбѣ съ хозяйственной разрухой.

„Соцiалистическiе" министры коалицiи сгоряча наобѣщали сдѣлать чудеса. Скобелевъ даже заявилъ о „безпощадномъ обложенiи" имущихъ классовъ и о конфискацiи у нихъ чуть ли не всѣхъ 100% прибыли. Но „соцiалисты" предполагаютъ, а имперiалисты располагаютъ. Почти всѣ „мѣропрiятiя", возвѣщенныя министрами — „соцiалистами", либо остались на бумагѣ, либо были весьма своеобразно обработаны благодаря внутреннему противодѣйствiю буржуазныхъ министровъ, благодаря тактикѣ *саботажа,* которую стали примѣнять представители капитала.

Буржуазiя всегда выступаетъ подъ знаменемъ *порядка,* если ее безпокоитъ поведенiе пролетарiата. Еще въ 1905 году буржуазiя устами Струве кричала объ „анархiи", когда рабочiй классъ объявлялъ декабрьскую стачку, и негодовала по поводу „разрушенiя производительныхъ силъ". Но никогда лицемѣрiе буржуазiи не доходило до такого градуса, какъ теперь. Буржуазiя кричала: „Караулъ! Анархiя! Грабятъ!" И въ это же время сама сознательно и планомѣрно работала надъ *дезорганизацiей своего*

собственнаго производства. Ея „порядокъ“ заключался теперь даже не въ „порядкѣ“ военно-полевого суда (это было для нея программой максимумъ), а въ планомѣрномъ и *организованномъ созданіи безпорядка.*

Такой парадоксъ русской общественно-экономической жизни объясняется относительной неустойчивостью власти буржуазіи. Для успѣшнаго веденія войны нужна организація промышленности, и повсемѣстно въ процессѣ войны совершается переходъ къ *государственному капитализму*, гдѣ финансовый капиталъ стягиваетъ всю свою концентрированную мощь въ механизмѣ *государственной власти.* Но русская буржуазія боится огосударствленія производства. Она боится этого потому, что при дальнѣйшемъ развитіи революціи сама государственная организація можетъ превратиться въ свою собственную противоположность. Если государственная власть переходитъ въ руки рабочаго класса и бѣднѣйшихъ крестьянъ, то къ нимъ переходитъ и огосударствленное производство. Государственный капитализмъ грозитъ превратиться въ полусоціалистическую диктатуру, прибыль капитала—въ общественный фондъ накопленія, контроль капитала надъ рабочими—въ контроль рабочихъ надъ „капиталомъ“, средства обузданія рабочихъ въ средства обузданія капиталистовъ. При такихъ условіяхъ измѣняется не только политическая форма власти, но происходитъ и коренное измѣненіе производственныхъ отношеній. Но какъ разъ такое измѣненіе есть безуміе и ужасъ для господствующихъ классовъ. Именно здѣсь, съ точки зрѣнія буржуа, лежитъ грань между „реальной дѣйствительностью“, которая немыслима для него безъ господства капиталистической палки, и пришествіемъ коммунистическихъ вандаловъ, которые для него еще болѣе страшны, чѣмъ апокалиптическій звѣрь для вѣрующаго христіанина. Отсюда—стремленіе во что бы то ни стало избѣжать такой возможности. Coûte que coûte! Начинается „итальянская забастовка“ капиталистовъ и саботажъ производства: предпріятіе закрывается, хотя его можно вести; сырье вывозится, хотя оно нужно для предпріятія; средства производства портятся, хотя они необходимы для производства и т. д.; ведутся такъ „называемые скрытые локауты“,—словомъ *автоматически развивающійся кризисъ усиливается и обостряется сознательной классовой политикой буржуазіи.* Въ самомъ дѣлѣ, развѣ она виновата въ разореніи? Въ этомъ виноваты рабочіе съ ихъ „непомѣрными требованіями“! Развѣ капиталисты виноваты въ томъ, что крестьяне сидятъ безъ гвоздей и подковъ? Это „товарищи“ на заводахъ получаютъ по 500 рублей и ничего не дѣлаютъ. Адресуйтесь къ рабочимъ, граждане-крестьяне: это въ нихъ лежитъ погибель Россіи.

Такъ хочетъ буржуазія натравить крестьянъ на рабочихъ, деревню на городъ. Путемъ хаоса и анархіи хочетъ она прійти къ

абсолютному утвержденію своей власти. „Держи вора!“ кричитъ воръ, стремясь улизнуть отъ преслѣдующей его толпы. „Долой анархію, долой большевиковъ, да здравствуетъ порядокъ!“ кричатъ локаутчики, саботируя производство.

Тактика имперіалистовъ тверда и опредѣленна. Они проводятъ ее съ неуклонной послѣдовательностью. Немудренно поэтому, что *оріентація по отношенію къ производственной жизни была перенесена и на государственную власть.* Саботажъ, итальянская забастовка—такова была „работа“ буржуазныхъ министровъ коалиціоннаго кабинета. Но все же есть существенная разница между положеніемъ дѣлъ въ министерствѣ и положеніемъ дѣлъ въ производствѣ. Въ экономической борьбѣ, которая, благодаря своему гигантскому размаху, приняла характеръ политической борьбы класса въ его цѣломъ, рабочіе вовсе не шли на компромиссъ. Наоборотъ, тактика мелкобуржуазныхъ соціалистовъ въ министерствѣ была классическимъ образцомъ перманентнаго компромисса и въ то же время перманентныхъ треній. Условія момента диктовали мѣры революціонно-диктаторскаго вторженія въ имущественныя отношенія: *земля—крестьянамъ!* Но всѣ попытки, даже весьма скромныя, со стороны Чернова къ урегулированію земельныхъ отношеній встрѣтили рѣшительную оппозицію въ буржуазномъ большинствѣ кабинета. *Организація промышленности!* Но всѣ разговоры о контролѣ и проч. на дѣлѣ привели лишь къ созданію „Экономическаго Комитета“ и „Экономическаго Совѣта“, учрежденій съ преобладаніемъ махровыхъ цензовиковъ. *Финансовая реформа, „безпощадное обложеніе имущихъ“!* но эти обѣщанія, подъ давленіемъ капитала и благодаря мѣщанскому добродушію Скобелева, оказались—увы!—лишь продолженіемъ неистовой работы печатнаго станка. *Охрана труда!*—но даже декретъ о 8 часовомъ рабочемъ днѣ застрялъ въ тайникахъ министерскаго творчества. *Скорѣйшій созывъ Учредительнаго Собранія!* но подготовка къ этому скорѣйшему созыву выразилась лишь въ учрежденіи „особаго совѣщанія по выборамъ“, подъ предсѣдательствомъ кадета Кокошкина и съ громаднымъ преобладаніемъ буржуа.

Такъ вся широковѣщательная программа на дѣлѣ оказалась абсолютнымъ нулемъ. Мѣщанская тактика уступочекъ и уступокъ, вѣчная боязнь напугать буржуазію, суевѣрный страхъ передъ „буржуазнымъ“ характеромъ революціи, полное невѣріе въ революціонное творчество народа—вся эта гнилая и презрѣнная тактика соглашенія привела къ господству нестерпимой *фразы*, пошлой и безсмысленной, къ министерскому пустозвонству, изъ котораго „соціалистическіе“ министры сдѣлали себѣ профессію, въ то время какъ ихъ буржуазные коллеги неустанно и послѣдовательно плели сѣть контръ-революціонной работы вовнѣ и за-

кладывали фугасы въ самомъ министерствѣ, взрывая всякое благое начинаніе. *Тактика сотрудничества съ буржуазіей терпѣла явное банкротство.*

3-го іюня открылся парламентъ революціонной демократіи— *Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.* Съ перваго же дня, на первомъ засѣданіи выяснилось подавляющее мелкобуржуазное большинство съѣзда. Правда, дѣйствительное соотношеніе силъ было нѣсколько искажено неправильнымъ представительствомъ. Тѣмъ не менѣе, громадное преобладаніе мѣщанскаго „соціализма" надъ революціоннымъ соціализмомъ пролетаріата выявилось какъ фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію.

Съѣздъ не внесъ ровно ничего въ то, что уже имѣлось. Никакой самостоятельности, никакой свѣжей струи въ ту жалкую политику растерянныхъ уступокъ и уступчивой растерянности, которая велась „вождями" въ министерствѣ, онъ не влилъ. Онъ,по существу, лишь *санкціонировалъ* эту политику. Вмѣсто того, чтобы рѣшительно двинуть революцію впередъ, онъ узаконилъ бѣгъ на мѣстѣ и безконечное словоизверженіе. Онъ побоялся даже настоять на изданіи декрета о роспускѣ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, этихъ черносотенно-кадетскихъ учрежденій, ставшихъ высшими центрами организующейся контръ-революціи. И въ то время, какъ г. Родзянко, Милюковъ и К°, поддерживаемые сэромъ Бьюкененомъ и реакціонными генералами и адмиралами, развивали энергичную работу, Съѣздъ вынесъ прекрасно-душную резолюцію, объявивъ ихъ политическими мертвецами. Напрасно большевики предлагали вбить осиновый колъ „въ могилу этой подозрительной покойницы" — ее, кажется, даже не лишили жалованья (см. министерскую газету „Дѣло Народа" отъ 30 іюля). Болѣе того. Находясь въ разгоряченной атмосферѣ все обостряющейся классовой борьбы, когда, съ одной стороны, среди пролетарскихъ массъ назрѣвало глубочайшее разочарованіе и недовольство трусливой политикой Временнаго Правительства № 2, а съ другой — все наглѣла откровенная контръ-революція, *съѣздъ ясно потянулся въ сторону буржуазіи.*

Въ противовѣсъ большевикамъ, которые въ самомъ началѣ Съѣзда предлагали организовать немедленно революціонный органъ власти въ лицѣ Совѣтовъ, чтобы, сплотивъ всѣ революціонные элементы, повести тактику рѣшительнаго равненія *налѣво*, большинство Съѣзда высказалось за *равненіе направо.*

На *10 іюня* Центральный Комитетъ большевиковъ готовилъ демонстрацію рабочихъ и солдатъ, демонстрацію протеста противъ политики Временнаго Правительства: *массы* требовали такой демонстраціи, рабочіе и солдаты хотѣли заставить услышать свой

голосъ. Но мелкая буржуазія уже стала страшиться революціоннаго авангарда: онъ могъ скомпрометировать ее въ глазахъ друзей справа, онъ могъ погубить ея министеріабельность, онъ могъ, наконецъ, совершить тягчайшее „преступленіе передъ революціей“: запугать буржуазію, буржуазію, готовившую контръ-революціонные полки, безъ вѣдома самого Керенскаго уже намѣчавшую „высокое“ лицо въ диктаторы.

Съѣздъ *запретилъ* демонстрацію пролетаріевъ и солдатъ и своимъ запрещеніемъ открылъ аттаку на партію революціоннаго пролетаріата. Только благодаря тому, что Центральный Комитетъ большевиковъ рѣшилъ подчиниться и обратился къ массамъ съ соотвѣтствующимъ воззваніемъ, демонстрація не состоялась. Ее отмѣнила сама пролетарская партія. Несмотря на это, вожди мѣщанскаго soi disant „соціализма“ не могли не обрушиться на большевиковъ. Вѣдь, вся буржуазная печать разражалась истерическими воплями и требовала аркана! Въ историческомъ засѣданіи фракцій Совѣта Церетелли, тотъ самый Церетелли, который былъ обвиненъ столыпинскими палачами въ заговорѣ, выступилъ съ обвиненіями въ заговорѣ противъ большевиковъ. Подавить рѣшительными мѣрами! — выкинулъ свое знамя Церетелли, на что Мартовъ отвѣтилъ ему изреченіемъ Кавура: „Путемъ осаднаго положенія страной править можетъ и дуракъ“.

Но меньшевики и эсъ-эры, разсылавшіе своихъ агитаторовъ по фабрикамъ, заводамъ и казармамъ, видѣли, какое настроеніе царитъ среди массъ. Они видѣли, что демонстрація объективно необходима. *Обрушившись на большевиковъ за устройство демонстраціи, они назначили демонстрацію сами.* 18 іюня, подъ давленіемъ большевиковъ, былъ назначенъ смотръ силамъ революціи. Нужно было только сдѣлать демонстрацію „не страшной“ для буржуазіи. „Процессія на могилу жертвъ революціи“, — таковъ былъ мелкобуржуазный псевдонимъ для пролетарской демонстраціи протеста противъ Временнаго Правительства.

День 18 іюня сталъ историческимъ днемъ. Онъ сталъ символомъ противорѣчія, символомъ громадной исторической антитезы и въ то же время символомъ откола мелкой буржуазіи отъ революціоннаго пролетаріата. *18 іюня почти полумилліонная рабочая и солдатская масса вышла съ лозунгомъ: „Противъ политики наступленія!“ — 18 іюня „революціонный“ министръ Керенскій повелъ въ это наступленіе войска.*

Красныя знамена рѣяли надъ Петербургомъ. Въ подавляющемъ большинствѣ демонстрація шла подъ большевистскими лозунгами: „Долой контръ-революцію!“ „Долой 4-ую Думу и Государственный Совѣтъ!“ „Долой 10 министровъ-капиталистовъ!“ „Долой „союзныхъ“ имперіалистовъ!“ „Долой капиталистовъ-лакаутчиковъ!“

„Вся власть Совѣтамъ!“ „Да здравствуетъ контроль надъ производствомъ!“ „Противъ расформированья полковъ!“ „Противъ разоруженія полковъ!“ „Ни сепаратнаго мира съ Вильгельмомъ, ни тайныхъ договоровъ съ англійскими и французскими капиталистами!“ „Немедленное опубликованіе договоровъ!“ „*Противъ политики наступленія!*“

И въ тотъ же самый день Керенскій телеграфировалъ князю Львову: „Настойчиво прошу срочно разрѣшить мнѣ вручить отъ имени свободнаго народа полкамъ, участвовавшимъ въ бою 18 іюня, *красныя знамена революціи*“.

Демонстрація 18 іюня показала, что авангардъ революціи, пролетаріатъ и лучшая часть арміи, идетъ съ большевиками. Она, съ другой стороны, показала, что единственной пролетарской партіей, партіей революціонно-интернаціональнаго соціализма, являются большевики. Демонстрація 18 іюня была рѣзко выраженной *классовой* демонстраціей. Буржуазія попряталась. Любопытные буржуа не глазѣли на демонстрантовъ. Они исчезли съ улицъ Петербурга, предоставленныхъ пролетаріямъ и солдатамъ. „Сердце и мозгъ революціи“, городъ переворота, оказался на сторонѣ интернаціонала.

Наступленіе 18 іюня обозначило поворотный пунктъ въ развитіи революціи. Оно значило фактическую побѣду контръ-революціонныхъ имперіалистовъ. Оно означало, что мелкая буржуазія вошла въ имперіалистски-военный блокъ съ „своими“ и съ „союзными“ капиталистами. Оно означало, что на организованныя силы русской революціи, кромѣ ея лѣваго, пролетарскаго фланга, наброшенъ арканъ, который тащитъ ихъ къ имперіалистской висѣлицѣ. Оно означало, наконецъ ликвидацію политики международнаго соглашенія демократій, которая звучала бы жалкимъ лепетомъ въ сравненіи съ языкомъ пулеметовъ тѣхъ полковъ, которые шли подъ „красными знаменами революціи“ и которымъ съ такимъ упорствомъ навязывали секретные договоры кроваваго царя.

Еще недавно „Извѣстія“ писали, что армія не можетъ наступать, пока не будетъ предпринятъ рядъ радикальныхъ мѣръ. Эти мѣры не были предприняты. Тѣмъ не менѣе Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ выпустилъ „Воззваніе къ арміи“, въ которомъ онъ утверждалъ, что наступленіе начато въ цѣляхъ „приближенія всеобщаго мира“. Тутъ со всей силой сказалась бездна трусости съ одной стороны, и поразительнаго легкомыслія — съ другой, которую обнаружила мелкая буржуазія. Ея вожди знали, не могли не знать, положенія дѣлъ въ арміи. Они не могли не знать, что ни физически, ни морально армія не сможетъ выдержать. Они понимали, что наступленія требуютъ иностранные банкиры, которые хотятъ получить кровавую плату за свои милліоны. И они

всетаки пошли на это, ибо на этомъ настаивали ихъ „друзья“ справа и „самъ“ Александръ Федоровичъ Керенскій.

Борьба за миръ, а тѣмъ болѣе „рѣшительная борьба за миръ“ превратилась въ тощую фразу, лишенную уже окончательно почти всякаго содержанія. Фактически эти слова въ устахъ вождей мелкой буржуазіи превратились въ образчикъ проституированія интернаціоналистской фразеологіи, проституированія, которое стало непремѣнной составной частью политики этихъ господъ. Моральный авторитетъ ихъ среди революціонныхъ рабочихъ круговъ за границей быстро падалъ. Поставивъ себя на одну доску съ Шейдеманами и Реноделями, представители мелкобуржуазнаго совѣтскаго большинства превратились въ такихъ же дипломатовъ-чиновниковъ, какъ и тѣ. *Ихъ* „борьба“ за миръ могла быть лишь „борьбой“ на конференціи международныхъ дипломатовъ, хотя бы на эту конференцію они и нацѣпили „соціалистическій“ ярлыкъ.

Наступленіе чрезвычайно обезсилило позицію демократіи въ борьбѣ за миръ. Но оно необыкновенно укрѣпило *позицію реакціонеровъ.* Въ атмосферѣ военнаго „подтягиванія“, подъ флагомъ „дисциплины“ и „порядка“ гораздо легче надѣвать наручни на непокорныхъ и заковывать всякую критику въ кандалы. А съ другой стороны, патентованнымъ реакціонерамъ и патріотическимъ шулерамъ, о которыхъ зналъ еще Беранже, открыты всѣ возможности ихъ организаціи. Черносотенцы снова повыползли изъ своихъ норъ. „Святая Русь“ и другія подобныя организаціи, со столь же патріотически звучащими наименованіями, снова заработали. Какъ грибы послѣ живительнаго дождя (это былъ *кровавый* дождь!) росли „военныя лиги“, „союзы георгіевскихъ кавалеровъ“, „ударники“, „батальоны смерти“, общества „личнаго примѣра“ и такъ далѣе и тому подобное. Многія изъ нихъ выпускали грозныя воззванія противъ „внутренняго врага“, „трусовъ, измѣнниковъ и предателей“, подъ которыми разумѣлись, главнымъ образомъ, противники войны. Среди такихъ организацій, по своему значенію, выдѣлялся всероссійскій *казачій съѣздъ.* Еще ранѣе въ концѣ мая, была опубликована казачьей фракціей при Совѣтѣ выборныхъ особой арміи „программа казачьей партіи“, гдѣ казаки выдѣлялись въ почти самостоятельныя маленькія государствійца. Между прочимъ, § 12 этой программы предусматривалъ, что воинскія казачьи части, съ разрѣшенія „Войскового Круга“, могутъ быть употребляемы для подавленія внутреннихъ народныхъ волненій въ Россіи[1]). Казачій съѣздъ недаромъ былъ облюбованъ Милюковымъ и Гучковымъ: имъ уже слышался свистъ нагайки, гуляющей по рабочимъ спинамъ, и они постарались организаціонно свя-

---

[1]) „Извѣстія“, № 74.

заться съ активными дѣятелями этой нагайки. *Временный Комитетъ Государственной Думы* и партія „народной свободы", связанная съ военными кругами, стали организованными центрами контръ-революціи. Дума готовилась воскреснуть и Родзянко выпустилъ уже письмо къ членамъ Думы съ призывомъ быть на готовѣ. Для уличныхъ отбросовъ въ это время старалась суворинская „Маленькая газета", печатавшая каждый день одно и то же требованіе объ арестѣ Ленина, этого выдающагося вождя международной революціи. Особенно бѣшеная аттака велась, конечно, противъ партіи пролетаріата, которая была такъ ненавистна всѣмъ буржуа. „Измѣнники", „германскіе агенты", „разбойники", „преступная банда", — таковъ былъ жаргонъ „высококультурныхъ" слоевъ общества, когда они говорили о большевикахъ.

Съ другой стороны, все болѣе наростало недовольство положеніемъ вещей въ рабочихъ кругахъ. Съ каждымъ днемъ атмосфера становилась напряженнѣе и напряженнѣе. Барабанный бой шовинистовъ, снова выкинувшихъ „побѣдные" лозунги затягиванія войны, возмущалъ пролетаріевъ и солдатъ до глубины души. Чувствовалось, что воздухъ насыщенъ грозой.

Масла подлилъ въ огонь неожиданный для большинства *уходъ кадетовъ изъ министерства.* Уходъ кадетовъ изъ министерства былъ логическимъ завершеніемъ ихъ тактики саботажа. Моментъ былъ выбранъ для этого чрезвычайно удачно. До министерскихъ ушей уже успѣли дойти свѣдѣнія о начавшихся неудачахъ и о предстоящемъ пораженіи на фронтѣ. И они поступили такъ, какъ диктовалъ имъ холодный циничный расчетъ. Тактика наступленія была переложена ими на соціалистовъ. Но они ни въ малѣйшей степени не хотѣли нести отвѣтственности за эту тактику. Имъ нужно было имѣть руки развязанными въ тотъ часъ, когда станутъ поступать свѣдѣнія о неизбѣжномъ и неотвратимомъ. Имъ нужно было стоять въ сторонѣ, когда во всемъ объемѣ станутъ ясны результаты военной авантюры Керенскаго. Пусть тогда сидятъ въ качествѣ „отвѣтственныхъ" соціалистическіе дурачки! Развѣ можно было придумать лучшее средство для ихъ дискредитированія?

Воспользовавшись своимъ несогласіемъ съ рѣшеніемъ Керенскаго, Церетелли и Терещенко по украинскому вопросу (эти министры выработали соглашеніе съ Центральной Украинской Радой), кадеты вышли in corpore изъ министерства. Остался лишь Некрасовъ, который вышелъ изъ кадетской партіи. Князь Львовъ заявилъ, что украинскій вопросъ — только поводъ, „причину же нужно искать... въ расхожденіи точекъ зрѣнія: соціалистической и буржуазной".

Выходъ кадетовъ обнаружилъ всю цѣнность кадетской фразы о „жертвахъ въ пользу родины" и проч. Въ самый отвѣтственный

моментъ они довели свой саботажъ власти до высшей степени: „они отбросили себя въ лагерь враговъ революціи“, — писали „Извѣстія“, не понимая того, что здѣсь былъ глубоко продуманный и заранѣе подготовленный планъ дѣйствій.

Кризисъ власти сразу развязалъ революціонную энергію стихіи. Когда получились уже извѣстія о тревожномъ настроеніи петербургскихъ массъ, засѣдала городская конференція большевиковъ. Она высказалась противъ выступленія. Центральный Комитетъ партіи, учитывая серьезность положенія, тоже высказался противъ, и соотвѣтствующія распоряженія были переданы въ районы. Но на происходившемъ вечеромъ 3 іюля собраніи Петербургскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ разнесся вдругъ слухъ, что Пулеметный и Гренадерскій полки *уже* выступили и идутъ къ Таврическому Дворцу. Сообщали о немедленномъ выступленіи другихъ полковъ и заводовъ. И вотъ тутъ первый разъ большевики предложили вмѣшаться въ ходъ событій, чтобы придать выступленію мирный организованный характеръ. Пролетарская партія не могла играть лицемѣрную и малопочтенную роль Понтія Пилата, она не могла оставить массы въ рѣшительный, критическій моментъ. Она вмѣшалась — и только благодаря этому вмѣшательству не произошло колоссальной уличной рѣзни...

На собраніи рабочей секціи большинство оказалось большевиками. Меньшевики и с.-ры ушли. Большинство приняло резолюцію о необходимости перехода власти въ руки совѣтовъ и выдѣлило бюро изъ 25 человѣкъ, которому поручило „дѣйствовать отъ имени рабочей секціи въ контактѣ съ Петроградскимъ и Всероссійскимъ Исполнительнымъ Комитетами“[1]).

Къ $10^1/_2$ часамъ къ Таврическому Дворцу подошелъ 1-й пулеметный полкъ. Его привѣтствовалъ отъ Центральнаго Исполнительнаго Комитета Войтинскій. Затѣмъ событія развиваются съ поразительной быстротой. Городъ превращается въ вооруженный лагерь. У дворца — 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 13 и 14 роты 1-го пулеметнаго полка, 4-ая ружейная пулеметная рота, 1 пѣхотный полкъ въ полномъ составѣ и весь 6-й запасный саперный батальонъ. Идетъ грандіозный митингъ. Главный лозунгъ — вся власть Совѣтамъ! Въ 2 часа ночи — приходитъ весь путиловскій заводъ. Въ это время происходитъ засѣданіе Объединенныхъ Исполнительныхъ Комитетовъ. Рабочая и солдатская масса требуетъ, чтобы ея представители взяли власть, чтобы они взяли дѣло народа въ свои руки. Съѣздъ объявляетъ демонстрацію контръ-революціонной. Положеніе становится еще болѣе тревожнымъ. Между полномочнымъ органомъ революціонной демократіи и цвѣтомъ революціонныхъ

[1]) „Извѣстія“, № 108.

массъ намѣчается глубочайшее расхожденіе въ самый критическій моментъ. Это расхожденіе создаетъ хаотическое положеніе, и движеніе въ рядѣ мѣстъ пріобрѣтаетъ безпорядочный характеръ. Прибываютъ кронштадтцы и ораніенбаумскіе пулеметчики. На улицахъ идетъ перестрѣлка. Контръ-революціонеры провоцируютъ панику. Движеніе все нарастаетъ.

Но тутъ прибываютъ карательныя войска съ фронта. При фактической поддержкѣ Исполнительныхъ Комитетовъ готовится расправа съ демонстрантами. И въ тотъ же моментъ оглушительной бомбой разрывается документъ Алексинскаго, гласящій, что Ленинъ — нѣмецкій шпіонъ!

Ходъ контръ-революціи былъ задуманъ крайне удачно. Съ одной стороны — заготовить матеріальную силу штыка, для подавленія „бунта“, а съ другой — деморализовать движеніе, смѣшать съ грязью его идеологовъ, разложить и растерзать сплоченность революціонныхъ силъ, отравить всю атмосферу зловоніемъ и клеветой, на которую способенъ только остервенѣлый буржуа.

Эту благородную задачу Цицерона, спасающаго родину отъ Катилины-Ленина, взялъ на себя министръ юстиціи Переверзевъ. Жрецъ безстрастной Ѳемиды, онъ пустилъ въ ходъ непровѣренный лживый документъ, сфабрикованный нѣмецко-русскимъ шпіономъ для того, чтобы „возбудить ярость солдатъ“. И этотъ блюститель закона имѣлъ затѣмъ наглость сознаваться въ этомъ!

Но всѣ средства дозволены, когда нужно сократить революцію, — лишь бы они достигали цѣли. Цѣль была достигнута, хотя Переверзевъ и былъ вышвырнутъ изъ кабинета. Дальше начинается облава на „измѣнниковъ“...

Буржуазіи не удалось устроить іюньскихъ дней. Она не смогла организовать такое кровопусканіе, какое она хотѣла имѣть. Но, не вырѣзавъ пролетаріатъ, она все же временно ослабила его. Наглая контръ-революція праздновала свой тріумфъ.

Послѣ іюльскихъ дней.

Всякое дѣло имѣетъ своихъ „героевъ“. И всякая общественная группа выставляетъ своихъ отвѣтственныхъ лицъ, своихъ лидеровъ. Ихъ нравственный обликъ въ значительной степени опредѣляется характеромъ той группы, которую они представляютъ.

Пролетаріатъ является теперь классомъ борющимся и безстрашнымъ. Онъ — воплощеніе критики и анализа. И въ то же время, онъ воплощеніе *воли,* широкаго размаха, борьбы, революціи. Это не грязная воля къ порабощенію, а мятежъ противъ рабства, нищеты, придавленности, предразсудковъ, суевѣрій. Пролетаріатъ критикуетъ все, что обычно считается не подлежащимъ

критикѣ. И, освобождая все человѣчество вмѣстѣ съ собой, онъ больно бьетъ по традиціи, привычному, закоренѣлому и въ то же время увѣковѣчивающему рабство. Воля и интеллектъ у него одинаково революціонны.

Русскій и международный пролетаріатъ нашелъ себѣ достойнаго вождя въ лицѣ Ленина. Старый революціонеръ, Ленинъ былъ крещенъ на путь революціи кровью своего родного брата, повѣшеннаго палачемъ Александра III. И ненависть къ угнетателямъ прочно осѣла въ его душѣ. Большой аналитическій умъ, Ленинъ въ то же время человѣкъ желѣзной воли, идущій всегда тѣмъ путемъ, который онъ считаетъ правильнымъ. Онъ одинаково твердъ тогда, когда приходится плыть почти одному „противъ теченія“ и когда нужно работать среди „своихъ“. Революція— его стихія. Онъ—настоящій вождь революціи, послѣдовательной до конца, бичующій всякую половинчатость и недоговоренность, ненавидящій капиталъ священной ненавистью революціонера и заслужившій отвѣтную ненависть буржуазіи. Онъ не давалъ спать этимъ господчикамъ, ибо они видѣли въ немъ своего самаго опаснаго врага. Они брызгали своей ядовитой слюной какъ только слышали его имя. Какъ старый Катонъ, повторяла буржуазія: „Carthaginem esse delendam!“ „Ленинъ *долженъ* быть уничтоженъ!“

И контръ-революція имѣетъ *своихъ* героевъ. Но у нея они дѣлятся, какъ у воровъ, на двѣ категоріи: работающихъ „чисто“ и „грязныхъ“. Рыночная цѣнность послѣднихъ тѣмъ выше, чѣмъ ярче ихъ прошлое. Особенно цѣнятся при этомъ *ренегаты*. Ренегатъ-прежде всего существо злобное, мстительное, неопрятное. Измѣнникъ по природѣ, онъ обвиняетъ въ измѣнѣ другихъ; потерявшій честь, онъ стремится лишить чести тѣхъ, кто на него непохожъ; терзаемый угрызеніями остатковъ совѣсти, онъ заглушаетъ ихъ все новыми предательствами. Въ концѣ концовъ его злоба начинаетъ граничить съ глупостью. Но онъ не чувствуетъ этого. Ибо для него нѣтъ границъ въ подлости. Ибо онъ страдаетъ постоянной неудовлетворенностью и, падая со ступеньки на ступеньку, не находитъ дна той пропасти, въ которую онъ летитъ. Въ концѣ концовъ онъ отвратителенъ и жалокъ, такъ какъ внутренне его презираютъ даже его хозяева. Профессіональный негодяй, онъ тѣмъ не менѣе такъ же необходимъ капиталу, какъ и директоръ банка. Поэтому ему подаютъ руку, но тайкомъ брезгливо вытираютъ ее платкомъ.

Такого негодяя русская контръ-революція нашла въ лицѣ Алексинскаго. Этотъ „бывшій членъ Государственной Думы“, соціаль-демократъ и теперешній служащій контръ-развѣдки (псевдонимъ возрожденнаго охраннаго отдѣленія), съ физіономіей дегенерата и глазами подворотнаго шпика, своей фигуркой „грязнаго“ работ-

ника реакціи, какъ нельзя лучше оттѣняетъ ея идейнаго вождя, г. Милюкова, съ его солидною внѣшностью европейскаго дипломата, бѣлоснѣжнымъ воротничкомъ на шеѣ и „благородствомъ на челѣ". Алексинскій, имя котораго упоминается, наряду съ именами парижскихъ охранниковъ, въ „досье" о высылкѣ изъ Франціи Троцкаго, человѣкъ, который „работалъ" по части ложныхъ доносовъ совмѣстно съ корреспондентомъ охраннаго „Новаго Времени" Яковлевымъ и разоблаченнымъ теперь провокаторомъ Брутомъ, носящій на лбу позорное клеймо клеветника, наложенное нѣсколькими организаціями буржуазныхъ журналистовъ, выгнанный даже изъ редакціи патріотическаго „Современнаго Міра" и еще болѣе патріотическаго „Призыва", дважды не допущенный къ Совѣту Рабочихъ Депутатовъ за свою безчестность,—этотъ человѣкъ получилъ изъ рукъ контръ-развѣдки благословеніе на кампанію противъ Ленина. Онъ нашелъ себѣ достойнаго сотрудника въ прапорщикѣ Ермоленко, который, по его же собственному признанію, перешелъ на службу германскаго штаба, подписалъ, якобы въ цѣляхъ разоблаченія нѣмцевъ, договоръ и получилъ даже денежную мзду въ полторы тысячи рублей.

И вотъ эти то господа, при поддержкѣ блюстителя закона Переверзева, для того „чтобы возбудить ярость" противъ партіи пролетаріата, вышли на свѣтъ божій со своей глупой клеветой, подхваченной и разнесенной сотнями тысячъ, милліонами капиталистическихъ газетъ, листковъ, журналовъ. Буржуазія знала, что дѣлала. Развѣ не обвиняли ея предки въ измѣнѣ великаго Марата? Развѣ не подвергался той же клеветѣ Бланки? Развѣ не отравляли клерикалы „общественнаго мнѣнія" Франціи дѣломъ Дрейфуса, а русскіе черносотенцы развѣ не проституировали законъ и судъ средневѣковымъ процессомъ Бейлиса? „Государственная измѣна!"— былъ приговоръ нѣмецкой буржуазіи надъ величайшимъ героемъ современной войны — Либкнехтомъ. „Государственная измѣна!"— кричала полицейская челядь и обыватели шведскому интернаціоналисту Хеглунду. „Государственная измѣна!"—вопили англійскіе, французскіе и прочіе имперіалисты своимъ врагамъ изъ пролетарскаго лагеря, бросая ихъ въ тюрьмы, надѣвая намордники на ихъ печать и громя ихъ организаціи.

Но, конечно, никакая клевета не смогла бы сдѣлать своего дѣла, и никакая контръ-революціонная шайка не могла бы захватить власть, если бы этому не помогли *партіи мелкой буржуазіи*, эсъ-эры и меньшевики. „Іюльскіе дни" поставили передъ этими партіями вопросъ въ самой категорической формѣ: съ контръ-революціей противъ пролетаріата или съ пролетаріатомъ противъ контръ-революціи. Ихъ отвѣтнымъ лозунгомъ было „спасеніе революціи". Ихъ фактическимъ поведеніемъ было *предательство* этой

революціи. Одобривъ вызовъ кавалеріи и казаковъ для усмиренія питерскихъ рабочихъ и солдатъ, разоруживъ революціонные полки и рабочую гвардію, поддержавъ въ критическій моментъ грязную кампанію противъ вождей пролетаріата, они не только нанесли ударъ пролетарскому флангу революціи, но обезсилили и себя. Съ этихъ поръ начинается разложеніе Совѣтовъ. Они ведутъ позорный и постыдный торгъ съ наступающей реакціей, падаютъ все ниже и ниже, превращаясь въ пустыя говорильни, въ машину для изготовленія безсильныхъ, трусливыхъ и безславныхъ рѣчей и резолюцій.

Послѣ іюльскихъ дней хозяевами города сдѣлались *юнкера и контръ-развѣдчики*. Невскій сталъ кишѣть молодыми дворянчиками и буржуа въ изящной военной формѣ, съ наглыми глазами и англійскимъ хлыстомъ въ рукахъ, бокъ о бокъ съ дамами полусвѣта, требовавшими „расправы“—петли, аркана, пули—для обитателей рабочихъ кварталовъ и ихъ партіи. Аресты, избіенія, убійства (напр., убійство рабочаго Воинова, продававшаго „Листокъ Правды“), дикій разгромъ „Правды“, когда „защитники порядка“ рѣзали, уничтожали и громили рѣшительно все, что попадало подъ руку, какъ настоящіе варвары,—все это было хорошей интродукціей.

Рѣшительнымъ шагомъ было *разоруженіе рабочихъ и солдатъ*. Вооруженная масса—самое опасное для господствующихъ классовъ, ибо это—надежнѣйшая гарантія для революціи. Поэтому всегда и всюду послѣ кровавой бани усмирители народа прежде всего разоружаютъ силы революціи. Разоруженіе рабочихъ и солдатъ есть ударъ въ самое сердце революціи. Такой ударъ былъ направленъ рукою генераловъ при поддержкѣ перетрусившихъ soi disant „соціалистовъ“, вхожихъ въ министерство крупнаго капитала. Онъ не былъ смертельнымъ, этотъ ударъ. Но онъ означалъ тѣмъ не менѣе *побѣду откровенной контръ-революціи*. Wer „A“ sagt, muss auch „B“ sagen. Сказавши А, нужно говорить и Б. Если юнкерамъ дали закрыть „Правду“, то тѣмъ самымъ выдали еще рядъ газетъ. Если способствовали распространенію клеветы противъ вождей революціи, то черезъ нѣсколько дней согласились *выдать* ихъ тюремщикамъ контръ-революціи. Если выдали большевиковъ, то впослѣдствіи согласились на выдачу Троцкаго. Если сперва одобрили преслѣдованіе „отдѣльныхъ лицъ“, то тѣмъ самымъ *фактически* одобрили и преслѣдованіе всей партіи революціоннаго пролетаріата.

Такова была политика Центральнаго Исполнительнаго Комитета. За кулисами шла откровенная торговля головами вождей революціи, завоеванными свободами, честью революціоннаго народа. Совѣты, *разоруживъ ровомюціонныя войска и пролетаріатъ,*

разоружили и себя. Главный источникъ ихъ силы въ значительной степени исчезъ. Наоборотъ, казацкіе войска, юнкера и проч., наводнившіе Питеръ, дали реальную силу, *вооружили контръ-революцію.* При такихъ условіяхъ трусливое мѣщанство дѣлалось еще трусливѣе. Его испугъ переходилъ въ панику. Его предательство становилось *системой.*

Неизбѣжное пораженіе на фронтѣ было взвалено на большевиковъ. Травля пролетарской партіи превратилась въ изступленную бѣшеную кампанію, которая переходила уже и на *Совѣты.* Вслѣдъ за кадетами ушелъ и глава всѣхъ временныхъ правительствъ, князь Львовъ, заявивъ, что Совѣты стоятъ „ниже моральнаго уровня русскаго народа“. И въ то же время этотъ джентльменъ совершенно правильно оцѣнилъ положеніе вещей съ точки зрѣнія своего класса: „Прорывъ фронта не такъ важенъ, какъ глубокій прорывъ *фронта Ленина*“. Прорвавъ „фронтъ Ленина“, то-есть фронтъ революціи, россійскіе имперіалисты могли уже не стѣсняться третировать en canaille и „органы революціонной демократіи“.

Уходъ Львова знаменовалъ собой окончательную дезорганизацію „коалиціонной“ власти. Буржуазія знала, что теперь Совѣты возьмутъ власть менѣе чѣмъ когда бы то ни было, ибо они безсильны. Нужно было еще основательнѣе дезорганизовать государственный аппаратъ, чтобы въѣхать потомъ на бѣломъ конѣ, въ качествѣ „спасителей отечества“.

Мелкобуржуазные вожди поступили такъ, какъ и слѣдовало ожидать. Они склонились передъ *единоличною волею* Керенскаго передавъ ему всѣ полномочія. „Демократы“, они отказались отъ демократизма; „соціалисты“, они капитулировали передъ тѣмъ, кому не довѣряла его собственная партія; сторонники „свободы“, они круто повернули къ бонапартистскому единодержавію. Эта поистинѣ отвратительная картина была еще отвратительнѣе благодаря тому, что всѣ дѣйствующія лица играли лишь роль пѣшекъ на шахматной доскѣ исторіи, пѣшекъ, которыми двигала рука *имперіалистской буржуазіи.*

Послѣдняя продолжала наступать по всей линіи, идя на всѣхъ парахъ къ военной диктатурѣ. Генералъ Корниловъ ультимативно потребовалъ возстановленія смертной казни. Коммиссаръ Временнаго Правительства Савинковъ-Ропшинъ, тотъ самый, который въ дни черной реакціи свое ренегатство оправдывалъ богобоязненными разсужденіями на тему: можно или нельзя убить охранника, въ телеграммѣ, написанной языкомъ героевъ Достоевскаго, сталъ умолять о массовыхъ разстрѣлахъ. Керенскій, съ театральными жестами и театральными слезами на глазахъ говорившій раньше объ абсолютной отмѣнѣ смертной казни, о томъ, что онъ не хочетъ быть „Маратомъ русской революціи“, захотѣлъ теперь,

очевидно, быть ея Столыпинымъ. Ибо Маратъ рубилъ головы высокопоставленнымъ контръ-революцiонерамъ, а Керенскiй, ухаживая за бывшимъ царемъ, распорядился о массовыхъ казняхъ для сѣрыхъ солдатъ. Началась дикая вакханалiя разстрѣловъ, какихъ не было даже при кровавомъ режимѣ царя, походъ на солдатскiя организацiи, армейскiе комитеты, революцiонную литературу. Торжественно возвѣщенная свобода нагло топталась генеральскимъ сапогомъ. Права солдата-гражданина были снова украдены. Ликующая буржуазiя праздновала свой трiумфъ. Отовсюду стали выползать притихшiе на время Пуришкевичи. Объявленная Совѣтами трупомъ Государственная Дума воскресла и устами Масленникова объявила въ свою очередь, Совѣты сборищемъ преступниковъ и проходимцевъ. Зашевелились организацiи цензовиковъ и параллельно тому, какъ въ тюрьму попадали Луначарскiй, Троцкiй, Коллонтай, изъ тюрьмы выпускали Горемыкина, Маркова II, наемнаго убiйцу и „друга" Хвостова-Ржевскаго, крупнѣйшихъ провокаторовъ Абросимова, Черномазова и прочихъ. Подъ флагомъ борьбы съ анархiей, подъ флагомъ „спасенiя революцiи" стали душить революцiю и выпускать на свободу ея душителей.

Органы революцiонной демократiи, ставшiе на половину придаткомъ къ репрессивнымъ органамъ буржуазiи, смутно чувствуя тревогу, въ то же время шагъ за шагомъ отступали передъ возрастающими требованiями контръ-революцiи. Вѣдь недаромъ въ Центр. Исп. Комитетѣ былъ выставленъ въ свое время „гуманнымъ" Керенскимъ безъ обиняковъ лозунгъ: „Изничтожить большевиковъ". Это происходило въ то самое время, когда по Питеру ходили слухи о прямыхъ контръ-революцiонныхъ заговорахъ, идущихъ изъ штаба. Но дальше удаленiя пары лицъ Керенскiй не пошелъ. За то онъ вступилъ въ переговоры съ представителями контръ-революцiи (к-д) о *составленiи кабинета.*

Теперь для кадетовъ „психологическiй моментъ" насталъ. Если „господствующая партiя", с-р-ы, получившая повсюду такое значительное большинство, превратила свой лозунгъ: „Земля и Воля" въ лозунгъ „Земля и Пуля", и свела „трудовой надѣлъ" къ количеству земли, необходимому для погребенiя разстрѣляннаго „своими" же крестьянина-солдата, то чего же можно было еще бояться? Большевики, наиболѣе опасные противники, разбиты. Остальныя партiи—приручены.

Послѣ нѣкоторыхъ ломанiй и разыгранныхъ Керенскимъ обмороковъ, соглашенiе состоялось на основѣ *почти полной капитуляцiи Совѣтовъ.* Кадеты вошли въ правительство, предварительно давъ большой срокъ для упрашиванья. Мелкобуржуазные „соцiалисты" буквально гонялись за „живыми силами" страны, подъ

которыми разумѣлись порозовѣвшіе покойнички изъ Думы. Ихъ просили, молили, заклинали. Сперва именемъ революціи. Потомъ именемъ Родины. Наконецъ, кадеты „сдались“ на условіяхъ, означавшихъ ихъ полную побѣду. Новое министерство составилось, какъ министерство, *независимое отъ Совѣтовъ.*

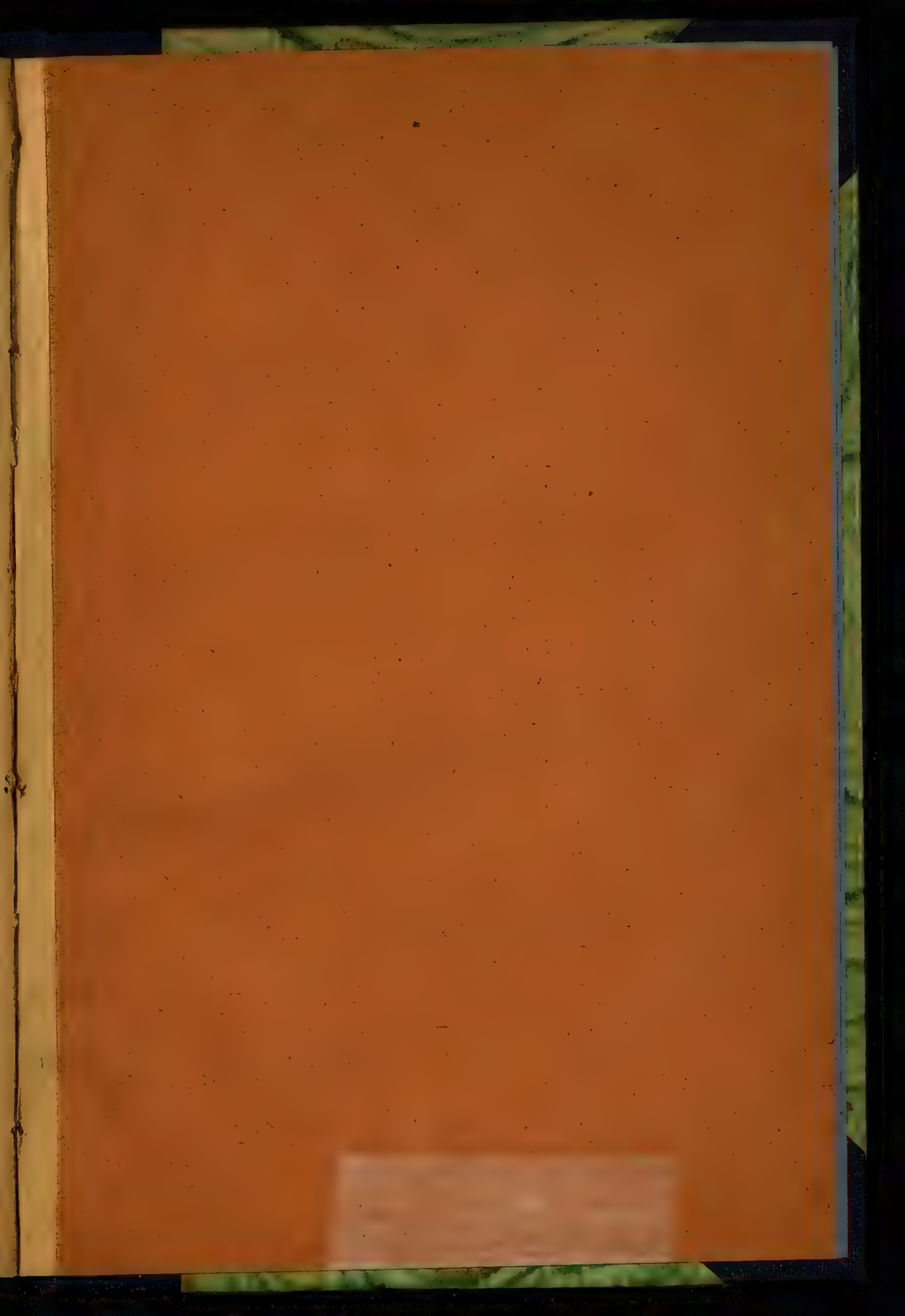
Этотъ фактъ окончательно передалъ въ руки буржуазіи государственную власть, которая оторвалась отъ Совѣтовъ. Послѣдніе превратились въ глазахъ буржуазіи въ „частныя“, „самочинныя организаціи“. И вмѣсто съѣздовъ революціонной демократіи всплылъ на поверхность Земскій Соборъ въ Москвѣ, гдѣ тузы промышленности, фабриканты и заводчики, банкиры и помѣщики должны короновать правительство „спасенія отъ революціи“, правительство, уже успѣвшее возродить ссылку, сто вторую статью, внѣсудебныя аресты, право „тащить и не пущать“, щегловитовскій режимъ, столыпинскій галстухъ и третье отдѣленіе.

Контръ-революція взяла власть въ свои руки. Послѣ пяти мѣсяцевъ революціи, когда эта власть принадлежала одновременно и Совѣтамъ и Правительству, и демократіи, и имперіализму,— утвердилась наконецъ, власть *имперіалистской буржуазіи,* власть финансоваго капитала. Подъ руку съ союзнымъ имперіализмомъ и реакціонными верхами арміи, она пляшетъ теперь канканъ на трупахъ ею растерзанныхъ „свободныхъ гражданъ“.

Контръ-революція могла побѣдить лишь при поддержкѣ мелкой буржуазіи въ лицѣ ея вождей. Но контръ-революція не могла и не можетъ удовлетворить классовыя нужды крестьянъ. Контръ-революція пыталась разгромить организацію рабочихъ. Но она не можетъ ни въ малѣйшей степени разрѣшить противорѣчія хозяйственной жизни. Отвѣтомъ на преслѣдованіе, травлю, осадное положеніе послужилъ *ростъ* партіи революціоннаго пролетаріата, снятіе съ постовъ дѣятелей мелко-буржуазнаго соціализма, большая сплоченность и закалъ революціоннаго соціализма, порвавшаго со всякими иллюзіями, смѣло идущаго на встрѣчу новымъ битвамъ. Уже слышатся отвѣтные голоса пролетаріевъ Европы: въ Англіи — поднимается волна рабочаго недовольства, во Франціи волнуются даже солдаты, въ Германіи — снова стачка на военныхъ заводахъ, Испанія — въ пламени революціоннаго пожара...

Революція умерла. Да здравствуетъ революція!

4

Цѣна 50 коп.

